

СОЛЬ И ПАТРОНЫ

A man in military gear, including a jacket, pants, and a backpack, is walking away from the viewer on a cracked, muddy path. He is looking back over his right shoulder. The path is flanked by overgrown vegetation and trees. In the background, a dilapidated car is visible on the right, and a multi-story building is visible in the distance under a cloudy sky.

Антон Нечехов

АНТОН НЕЧЕХОВ

Соль и патроны

«Автор»

2026

Нечехов А.

Соль и патроны / А. Нечехов — «Автор», 2026

Девять лет после ядерной войны. Живые посёлки среди пустых городов, свои порядки за каждым забором и дороги, где лучше не встречать людей. Саша идёт на юг — к морю, которое родители обещали показать ему ещё до войны. У него есть старая карта и мечта, пережившая прежний мир. Он дойдёт. Если мир ему позволит. Реалистичный постапокалипсис. Без магии, зомби и супергероев.

© Нечехов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Соль и патроны

Глава 1

Стук в дверь был таким настойчивым, будто в доме уже начался пожар.

Саша сразу проснулся, сел на лавке и несколько секунд прислушивался: за окном только-только начинало светать. Солнце ещё толком не взошло, но чёрная ночь уже расплзалась по двору, уступая место холодному свету.

Стук повторился.

— Сашка! — приглушенно крикнули с улицы. — Открывай давай!

Он натянул штаны, сунул ноги в сапоги и вышел в сени. Когда он распахнул дверь, на крыльце стоял Егор — небритый, в ватнике на голое тело, с красными от недосыпа глазами.

— Что случилось? — спросил Саша.

— Да ничего такого. Поехали со мной в соседний посёлок! Сейчас. Витёк выбыл.

Саша молча посмотрел на него.

Егор шмыгнул носом и поежился.

— У Аньки с Пашкой ночью сын родился. Наталья Ивановна сказала, что крепкий будет. Ну и эти, понятное дело, сели. Пили чуть не до темноты. А дальше кто как говорит: то ли Витёк с крыльца навернулся, то ли ему помогли. В общем, хромает так, что сам еле дополз до сортира — какая уж тут разгрузка.

— Далеко? — уточнил Саша.

— Те же пятнадцать вёрст. Если сейчас выдвинемся, к вечеру вернёмся. Ещё успеем на уборку.

Саша кивнул.

— Жди у склада, — бросил он.

— Ага. Только не задерживайся! — отозвался Егор.

Он спустился с крыльца и зашагал в центр деревни. Саша прикрыл за ним дверь и на секунду задержался в тёмных сенях, окончательно просыпаясь. День начинался не так, как он рассчитывал, но это не беда. Таких дней в деревне хватало: то чужая болезнь, то срочная работа, то ссора, то спешный обмен, то сломанная телега, то сдохшая коза. Жизнь после войны давно отучила его ждать спокойных дней.

Помедлив ещё мгновение, Саша направился в комнату Захара.

Старик не спал. Он лежал на спине, смотрел в потолок и словно ждал, когда войдет Саша. За последние месяцы Захар сильно сдал: лицо осунулось, кожа стала серой и дряблой, а говорить он теперь мог только коротко, с трудом — словно каждое слово приходилось выдавливать из себя через боль и усталость.

Ещё год назад он был другим. Хромал, конечно, на старую раненую ногу, но в лесу держался так, что за ним приходилось поспевать. На охоте шёл впереди, словно не по бурелому пробирался, а по собственному дому. А теперь без посторонней помощи поднимался через раз.

— Надо ехать, — сказал Саша. — С Егором. До вечера обернусь.

Захар медленно перевел на него взгляд, понял и едва заметно кивнул.

Саша растопил печь, поставил котелок. Хорошо, что вчера не поленился и принес воды с запасом — не пришлось в утренней спешке бежать к реке с ведрами. Он насыпал крупы, бросил щепотку соли, подождал, пока каша закипит, и помог Захару сесть.

Старик стал легким, почти невесомым, и от этого каждый раз становилось не по себе.

Саша усадил его, подложил под спину свернутое одеяло, подул на ложку и стал кормить, не торопя. Захар ел медленно, послушно, иногда морщился — как будто и на это уходило больше сил, чем нужно.

Когда котелок почти опустел, старик поднял руку и схватил Сашу за запястье.

— Смотри... — с трудом выговорил он.

Это было все, что он мог сказать. Но Саша понял.

— Ага, — тихо ответил он. — Смотрю.

Он поправил на Захаре одеяло, подвинул кружку с водой ближе к кровати, проверил, есть ли в печи запас дров на день, и только после этого занялся собой.

Он быстро собрался в дорогу: куртка, патронташ, нож, фляга, котелок с остатками каши, плащ — на случай, если к вечеру похолодает. Последним взял ружье.

Benelli висело там же, где и всегда, — на двух железных крюках у стены. Чёрное, с пластиковым прикладом и пистолетной рукояткой, оно даже сейчас казалось вещью из другого мира — того, где магазины работали каждый день, а оружие чистили не потому, что патронов мало, а потому, что так положено. Захар уже давно не пользовался этим ружьём, но и отдавать его не хотел.

Семен Ильич, староста, несколько раз заводил один и тот же разговор: такие вещи нужно хранить в главном доме, под замком, как общий запас. Почти все так и сделали — кто добровольно, кто после долгих уговоров. Но к Захару лишний раз не лезли: его в деревне уважали с давних пор. Бывший военный, один из тех, кто в первые годы после ударов поддерживал здесь порядок, организовывал людей, выменивал соль, инструменты, лекарства, пока другие ждали, что вот-вот вернется старая власть и все снова наладится. Захар знал цену этому ожиданию раньше многих.

Теперь за него все чаще говорил Саша.

Он закинул ружье за плечо и вышел из дома.

Утро только начинало светать. В низинах еще лежал холодный туман — крыши на другом конце деревни смутно серели сквозь него, словно кто-то не дорисовал пейзаж. Куры уже рылись в пыли у заборов, где-то лаяла собака, из нескольких труб поднимался дым, лениво вытягиваясь в прохладном воздухе.

Главный дом стоял в центре — там же располагался склад и проводились важные собрания. Когда Саша подошел, Егор уже запрягал лошадь в повозку: переделанный автомобильный прицеп на грубых, но еще крепких колесах. Раньше такие прицепы цепляли к легковым машинам. Теперь машины берегли для особых случаев — дальних поездок, спасательных операций, перевозки тяжелых грузов или походов к дороге, если нужно было что-то обменять на серьезный товар.

У крыльца громоздились ящики.

— Я уж думал, ты сначала позавтракаешь, — сказал Егор, заметив его.

— Позавтракаешь ты, если перестанешь руками махать, — ответил Саша.

Егор усмехнулся. На плече у него висело старое общинное двуствольное ружье — потертое, с облупившимся ложем, как будто из него и правда когда-то забивали гвозди.

Из дверей вышел Семён Ильич. Широкоплечий, грузный, с суровым лицом человека, который давно привык всё считать: зерно, патроны, людей. Его взгляд сразу скользнул к ружью на плече у Саши.

— Всё с этой игрушкой ходишь, — проговорил он. — Говорил же: таким вещам место на складе.

Саша не отвел взгляда.

— Пока Захар дома, ей там и место.

Староста пожевал губами, словно хотел что-то добавить, но сдержался. Только кивнул в сторону ящиков:

— Грузите. И без проволочек.

Работы было минут на десять. Ящиков набралось несколько десятков: мука, крупа, сушеные овощи, какие-то мешочки поменьше, перевязанные бечевкой. Они закинули все в прицеп, привязали веревками, проверили, не шатается ли груз.

— Ну что? — сказал Егор. — Поехали.

Они уже выехали на дорогу, ведущую к выезду из деревни, когда сзади кто-то закричал: — Эй! Подождите! Да подождите же!

Обернувшись, Саша увидел, что к ним несется Колька — сын Семена Ильича. Худой, белобрысый, с растрепанной чёлкой, торчащей во все стороны, как будто его только что драли за уши, но не додрали. Лет пятнадцати, не больше. Он бежал быстро, зло размахивая рукой с зажатым в ней конвертом.

— Ну чего ты, как собака за телегой, — крикнул Егор. — Успеешь.

Колька догнал их, запыхавшись, вскочил на край прицепа и уставился на них так, будто это ему делают одолжение, а не наоборот.

— Отец велел передать письмо, — буркнул он. — В Мостовое.

— Вот и носи сам, — сказал Егор.

— Так и несу.

— Значит, с нами потащишься?

Колька только засопел. Конверт спрятал за пазуху и сразу стал еще серьезнее.

Егор покосился на него:

— А кому письмо?

— Не твоё дело.

— А что там? Тайна общины? Про заговор? Про недосдачу картошки?

— Не дам, — отрезал Колька, даже не дослушав. — Отцу скажу, что хотели выкрасть.

— Да никто у тебя ничего не крадет, дурень. Просто спросили, — вздохнул Егор.

Саша сидел молча, придерживая ружье, и лишь усмехнулся краешком рта. Колька заметил это и насупился еще сильнее.

До соседнего посёлка было около пятнадцати километров — это самые ближайшие соседи. Их деревня стояла чуть дальше от большой дороги, а Мостовое — ближе, почти на ответвлении. Поэтому там и людей было больше, и тревог тоже.

Дорога, когда-то соединявшая города, теперь соединяла лишь осколки прошлого.

Саша вдруг ощутил укол старой боли: он вспомнил, как ждал родителей. Они должны были вернуться из столицы, забрать его и наконец-то увезти на море — то самое, о котором он мечтал годами. Но они не вернулись. И море превратилось в мечту, спрятанную где-то глубоко внутри: тёплую, далёкую, почти сказочную.

А города... Когда-то они тоже были мечтой — местом, куда можно уехать, где можно начать всё с чистого листа. Теперь о них говорили с опаской, почти шёпотом: выжженные, разрушенные, местами «фонящие». Саша знал: такие места не просто опасны — они словно высасывают надежду. Лучше обходить их стороной. Не приближаться к ним даже на пушечный выстрел.

Лошадь шла размеренно, прицеп поскрипывал на ухабах. Ни собак, ни волков по пути не попадалось — и это уже было хорошо. Бродячих собак Саша не любил еще больше: суетливые, голодные, наглые. Они могли броситься под ноги лошади, поднять лай, устроить суматоху на пустом месте. А стрелять по ним — роскошь: патроны берегли пуще всего.

Минут через двадцать Егор не выдержал и снова вернулся к теме, которая не давала ему покоя уже не первый год.

— Дай еще раз поддержать, — попросил он.

Саша молча снял ружье с плеча и протянул ему.

Егор взял Benelli обеими руками — с уважением, почти нежно. Повел стволом в сторону леса, прищурился, словно прицеливаясь.

— Эх, вещь, конечно. Не то что моя двустволка для дров. У меня если и убьёшь кого, то сначала приложи стволом по башке, а потом уже стреляй.

Колька фыркнул, но тут же прикусил губу, стараясь сдержать улыбку.

Егор не обратил на это внимания.

— Хоть убей, всё равно не понимаю, как оно само перезаряжается.

— Я тебе десять раз объяснял, — отозвался Саша.

— Одиннадцатый раз — на удачу, — не сдавался Егор.

Саша вздохнул и принялся терпеливо объяснять:

— Там автоматика. После выстрела затвор сам отходит назад, выбрасывает гильзу и досылает новый патрон.

— Во, — серьезно кивнул Егор. — Всё.

Он еще раз плавно взмахнул ружьем в воздухе, словно проверяя баланс, и вернул его хозяину.

— У Захара, помню, и прицел был.

— Был. Коллиматорный. Дома лежит.

— Чего не ставишь?

— Батареек жалко.

Егор уважительно покачал головой, словно даже батарейки для такого прицела были частью какой-то древней, почти забытой роскоши.

И тут подал голос Колька:

— Отец говорил, что оно не всегда само заряжается.

— Это почему? — тут же насторожился Егор.

— Потому что патроны у нас слабые. Самодельные. Энергии не всегда хватает на перезарядку.

Егор хмыкнул:

— Врёшь. Просто завидуешь.

— Не вру. Отец так говорил.

— Твой отец много чего говорит, — махнул рукой Егор.

Колька вскинулся:

— Я ему скажу. Скажу, что ты не веришь. Он тебя в лес выгонит.

Егор расхохотался, запрокинув голову:

— Ну и пусть выгоняет! Что мне, в лесу не работалось?

Саша тоже усмехнулся, хотя про себя отметил, что Колька, в общем-то, не соврал. На самодельных зарядах Benelli и правда работала не так уверенно, как на заводских патронах. А заводские старались без причины не трогать — то, что осталось от старого запаса, уже никто не заменит.

К Мостовому подъехали ближе к полудню.

Поселок был примерно такого же размера, как их деревня, только выглядел строже, как будто люди здесь жили, постоянно оглядываясь на опасность. На подходе — мост через речку. У моста — шлагбаум из бревен и дежурный с оружием. Еще один человек стоял у склада, зорко оглядывая окрестности.

Сразу чувствовалось, что ближе к дороге жизнь кипит по-другому. Через это место проходят люди, слухи, товары — и беда. Воздух здесь казался гуще, напряженнее: каждый звук, каждый шаг отдавались по-другому, напоминая, что когда-то цивилизация простиралась дальше этих нескольких уцелевших поселений.

Их пропустили без лишних разговоров. Ящики выгрузили быстро, почти без суеты. Взамен им вынесли всего несколько других — плотно заколоченных, без опознавательных знаков.

Саша не спрашивал, что внутри: не его дело. Старшие договариваются — они и возят. Так здесь и держалось: каждый знал свою часть работы и не совал нос куда не надо. Но по

весу ящиков можно было понять, что там не зерно. Может, лекарства. Может, радиодетали. Может, капсули. Порох мужики еще как-то умудрялись делать сами, гильзы сохраняли, а вот с капсулями всегда была беда — достать их было практически невозможно.

Они наскоро перекусили: теплая вода, хлеб, каша из котелка, который Саша вез с собой. Потом ждали только Кольку. Он куда-то убежал с письмом и вернулся минут через сорок — еще более важный, чем раньше, с видом человека, выполнившего важное поручение.

— Ну что, государственное дело решил? — поддразнил его Егор.

Колька лишь презрительно покосился на него и молча полез в прицеп.

Обратная дорога прошла спокойно. Солнце уже поднялось выше, воздух прогрелся, и лошадь пошла бодрее, словно сама знала, что едет домой. Разговоры почти сошли на нет. Егор время от времени напевал себе под нос тихую незатейливую мелодию. Колька дремал, прислонившись к борту. Саша смотрел вперед и думал о простых вещах: надо снова затопить печь, проверить, как там Захар, может, сходить к вечеру за водой, а если хватит света, то еще заглянуть в сарай, посмотреть, не сгнила ли доска у двери. Эти обыденные, привычные мысли поддерживали его, не давали провалиться в какую-то темную пустоту, которая шевелилась где-то внутри.

Когда они въехали в деревню, день уже клонился к вечеру. У склада разгрузились быстро. Семен Ильич сам вышел пересчитать привезенное — внимательно, неторопливо, проверяя каждый ящик. Григорий что-то записывал в тетрадь, аккуратно выводя цифры тонким карандашом. Егор отвел лошадь под навес. Колька, не попрощавшись, торопливо ушел к отцу.

Саша закинул ружьё за плечо и направился домой.

Он заметил людей издали. У калитки, у забора, чуть в стороне от крыльца, стояли соседи. Не толпой, не шумно. Просто стояли. И по тому, как никто не смотрел прямо на него, как кто-то переступил с ноги на ногу и отвел взгляд, Саша всё понял. В груди стало пусто и холодно, будто оттуда разом выкачали весь воздух.

— Саша... — окликнули его.

Он не ответил. Толкнул калитку, почти бегом пересек двор, взбежал на крыльцо и распахнул дверь.

В избе пахло печной золой, травами и чем-то ещё — неподвижным, тяжёлым, словно время здесь остановилось. У кровати стояли Наталья Ивановна, Семён Ильич и Григорий. Никто не сказал ни слова.

Саша сделал шаг, потом ещё один. Захар лежал так же, как утром, — только теперь в этой неподвижности не было ничего живого. Одеяло было натянуто до груди. Руки лежали спокойно. Лицо вдруг стало очень старым и чужим — не потому, что изменилось, а потому, что в нём больше никого не было.

Наталья Ивановна тихо сказала:

— Его не стало днем. Ушел без мучений.

Саша ничего не ответил. Он подошел ближе и только тогда понял, что все еще держит в руке котелок — пустой, холодный, с засохшей кашей на стенках.

Утром он покормил Захара, поправил на нем одеяло, выслушал его хриплое «гляди» и ушел, уверенный, что вернется к вечеру. День прошел как обычно: работа, дорога, разговоры, груз. А за это время дом успел стать другим.

Саша поставил котелок на пол и посмотрел на старика. Теперь смотреть было не на кого. Теперь надо было смотреть самому. Тишина в избе давила — раньше она была привычной, почти родной, а теперь словно сжимала стены, подталкивая наружу.

Он вышел из избы, и ноги словно перестали ему принадлежать. Холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя, — он оказался холоднее, чем он ожидал. Саша дошел до лавки у стены, сел и уставился на утопанную землю во дворе.

В доме за спиной еще ходили люди, тихо переговаривались, скрипели половицы, но все это доносилось как сквозь воду. Двор был тот же самый — покосившаяся калитка, бузина у забора, утоптанная земля, — но все равно чужой.

Умер.

Слово было простое, короткое, но все равно не укладывалось в голове. Еще утром Захар был жив: смотрел на него, дышал, поднимал руку, хрипло говорил: «Смотри». А теперь — все. И уже ничего не исправить, не сказать, не сделать.

Саша сжал ладони, лежащие на коленях, и опустил голову.

Если бы я не поехал...

Если бы остался...

Если бы с утра понял, что нельзя его одного бросать...

Дверь за спиной тихо открылась. На крыльцо вышла Наталья Ивановна. Остановилась, оглянулась на дом, с кем-то коротко переговорила вполголоса, потом спустилась и подошла ближе. Некоторое время она молчала, не присаживаясь рядом.

— Ну как ты? — спросила она наконец.

Саша криво усмехнулся, даже не поднимая глаз.

— Не знаю, — пробормотал он.

Помолчал и добавил уже тише:

— Я мог бы сегодня остаться. Должен был. В последнее время ему становилось все хуже — нельзя было оставлять его одного.

Наталья Ивановна тяжело вздохнула.

— Не вини себя. Ты бы ничего не изменил. Инсульт не лечится.

Она помедлила и, словно оправдываясь перед самой собой, добавила:

— Семён Ильич ворчал, что на Захара и так много уходит. Но я всё равно давала ему всё, что могла. Всё, что оставалось.

Сказала — и тут же осеклась.

Саша медленно поднял голову.

— Что значит — ворчал?

Наталья Ивановна отвела взгляд.

— Да не в этом сейчас дело...

— В каком смысле — ворчал? — уже жестче спросил Саша.

Она засуетилась, как человек, понявший, что сболтнул лишнего.

— Так, все. Забудь об этом. Тебе сейчас не надо сидеть и думать черт знает о чем — только хуже сделаешь.

Она обернулась и махнула кому-то у калитки:

— Григорий! Иди сюда.

Григорий, высокий сутулый мужчина лет сорока, подошел не спеша. Лицо у него было простое, рабочее — без лишних эмоций, но и без жесткости. Он взглянул на Сашу, потом на Наталью Ивановну — и сразу все понял без слов.

— Молодой совсем расклеился, — быстро сказала она. — Надо его делом занять. Срочно.

Григорий кивнул.

— Можно.

Он подошёл к Саше, наклонился и положил тяжёлую ладонь ему на плечо.

— Пойдём. На кукурузе люди нужны. Хуже всего сейчас одному сидеть. Пойдём, Сань.

Саша не ответил. Он просто поднялся — так, словно двигался по чужой воле.

— Вот и хорошо, — сказал Григорий. — Давай.

Он уже развернул его к калитке, но тут его взгляд зацепился за ружье у Саши на плече.

— И это тоже сюда, — буднично бросил он. — Не таскать же его по полю.

Он даже не стал ждать согласия — просто шагнул ближе, уверенно взялся за ремень и помог снять Benelli с плеча, словно избавляя от лишнего груза. Тут же привычным движением отвел затвор, проверил патронник. Пусто.

— Ну и ладно, — пробормотал он. — Пошли.

Саша почти не отреагировал и на это. Только почувствовал, как плечо вдруг стало непривычно легким — будто с него сняли не ружье, а часть его самого.

Они вышли на поле, и дальше день потянулся серой чередой однообразной работы. Саша ломал початки, таскал мешки, возвращался обратно и снова шел. Работа должна была занять его мысли, но этого не происходило. Одна и та же мысль не давала покоя: Захар умер один, а Семен Ильич, выходит, еще и лекарств ему пожалел.

К вечеру от усталости ноги налились свинцом, как будто в сапоги насыпали камней. Ладони горели, покрываясь свежими мозолями поверх старых. В глазах темнело — не только от горя, но и от того, что на поле действительно становилось плохо видно: сумерки мягко, но неумолимо окутывали землю.

Он потянулся за очередным початком и только тогда услышал оклик:

— Сань! Ты что, всю ночь тут собираешься вкалывать?

Саша выпрямился. В нескольких шагах стоял Егор — силуэт в сгущающихся сумерках, руки в карманах, плечи чуть ссутулены.

— Пойдём, — сказал он уже тише. — Уже темнеет. Я тебя по всей округе ищу. Староста велел помочь тебе с похоронами завтра. И... это... соболезную.

Последнее слово он произнес неловко, почти сердито, как будто сам не любил такие разговоры и заводил их только из чувства долга.

Саша кивнул.

Они молча пошли обратно. У Егора он поел через силу — без всякого удовольствия, только чтобы отстали. Еда казалась пресной, как опилки, но он жевал и глотал, глядя в стол. Потом вспомнил, что надо зайти домой: взять вещи, проверить, есть ли все необходимое на завтра, — может, он и правда переночует не у себя.

В избе стояла тишина.

Такая, от которой сразу становится ясно: здесь уже никто не дышит. Воздух словно застыл, пыль висела в косых лучах заходящего солнца, и даже мышинный шорох за стеной казался чужим, неуместным.

Саша постоял у кровати, не подходя слишком близко. Потом достал мешок и начал складывать в него самое необходимое: рубашку, портянки, нож, котелок, пару мелочей. Он действовал машинально, почти не глядя, — руки сами делали привычное дело.

И только потом увидел пустое место на стене.

Ружья не было.

Он замер.

Несколько секунд просто смотрел, ничего не понимая. В голове будто что-то заклинило, не давая связать факты воедино.

Потом память услужливо подсказала: да, Григорий снял его еще днем. У калитки. Перед полем.

Саша быстро оглядел избу, словно Бенелли мог оказаться на лавке, у печи, в углу — где угодно. Взгляд метался по знакомым углам, цеплялся за тени.

Нигде.

Он даже в сени вышел, заглянул обратно.

Пусто.

И вот тут усталость, горе и весь день, проведённый как в тумане, вдруг сошлись в одну горячую, ослепляющую точку. Кровь застучала в висках, дыхание стало прерывистым.

Забрали.

Не успел Захар остыть — уже забрали.

Его ружьё. Его вещь. Последнее, что осталось от него не в памяти, а в руках.

Сволочи.

Саша выскочил из дома и почти бегом помчался через деревню, не замечая, как холодный ветер хлещет его по лицу, а под ногами скрипят доски мостков.

Во дворе у старосты было слышно, как рубят дрова — ритмичный, размеренный стук, изредка прерываемый сухим треском раскалываемого полена.

Семен Ильич работал на заднем дворе, у поленницы. Уже в полумраке, в одной рубашке, с закатанными рукавами. Топор с хрустом входил в чурбак, сухие половинки падали в сторону, складываясь неровной горкой.

Когда Саша влетел во двор, староста поднял голову. Воткнул топор в колоду и оперся на топорнице обеими руками — массивный, неподвижный, словно выросший в землю.

— Где ружьё? — с ходу бросил Саша, задыхаясь от бега и гнева.

Семён Ильич чуть прищурился, неторопливо окинул его взглядом.

— Какое ещё ружьё?

— Моё. Захарово. Вы его сразу утащили.

Староста смотрел на него спокойно и тяжело — так, будто взвешивал каждое слово, прежде чем сказать.

— Никто ничего не утаскивал.

— Врешь, — выдохнул Саша. — Вы только и ждали. Он умер — и вы сразу полезли в дом.

— Так положено, — жёстко ответил Семён Ильич. — Такие вещи идут на общий склад. Особенно когда в доме больше нет старшего.

— Это было не ваше! — голос Саши сорвался, зазвенел от обиды и ярости. — Вы не имели права!

Староста секунду помолчал, потом коротко сказал:

— Иди домой, Саша. Не сейчас.

Он отложил топор и шагнул ближе, собираясь просто выпроводить его со двора — без злобы, но твердо.

Саша дернулся и зло сбросил его руку с плеча.

— Ты и лечить его не хотел, да? Таблеток пожалел? Решил, что старик и так помрет, зачем тратить?

Лицо Семёна Ильича изменилось. До этого он ещё сдерживался. Теперь в его глазах блеснуло настоящее раздражение, а жилы на шее напряглись.

— Слышишь, сопляк, — тихо и грозно проговорил он, понизив голос так, что тот стал ещё более опасным. — Не твоего ума дело.

— Моё! — почти выкрикнул Саша. — Он весь был мой! А вы только и умеете считать — кому сколько зерна, кому сколько соли, кому сколько жить осталось!

— Вон отсюда, — рявкнул староста и толкнул его в грудь.

Саша, и сам уже на взводе, толкнул его в ответ — резко, в плечо. Получилось сильнее, чем он ожидал.

Семен Ильич покачнулся, но тут же шагнул обратно, прищурившись.

— Иди сюда, — процедил он.

Удар в живот был коротким и сильным, у Саши перехватило дыхание. Затем последовал такой мощный подзатыльник, что в глазах замелькали белые пятна. Саша пошатнулся, упал на колено, хватая ртом воздух.

Староста, видно, и сам сорвался — не от желания убить, а как мужик, которого довели до белого каления, да ещё во дворе собственного дома, да после тяжёлого дня. Он шагнул вперед, схватил Сашу за корпус, пытаясь повалить его и просто прижать к земле, как драчуна помоложе и поглупее.

Они сцепились, потеряли равновесие и вместе рухнули на грудку хлама у сарая: старые жерди, ведро без дна, треснувшую лопату, какие-то обрезки досок. Под ними что-то сухо хрустнуло. Семен Ильич ударился затылком, глухо охнул, но не растерялся — почти сразу рванулся вверх, навалился всем телом и резким, злым броском опрокинул Сашу на спину. В одно движение оказался сверху, прижал его, не давая подняться.

И в этот момент из избы выскочил Колька.

Босой, в одних штанах, растрёпанный, с отцовской двустволкой в руках — побелевшие пальцы сжимают приклад, дыхание прерывистое.

— Не трогай его! — сорванным голосом крикнул он.

Саша едва успел повернуть голову. Колька стоял у крыльца, обеими руками вцепившись в ружье. Стволы ходили ходуном, палец лежал на спусковом крючке. Но по нему сразу было видно: стрелять он не готов. Просто напуган до смерти и сам не понимает, что делает.

Семен Ильич, тяжело дыша, всё ещё прижимал Сашу к земле. Не оборачиваясь, рявкнул:

— Колька, в дом иди! Сейчас же!

На мгновение хватка ослабла. Саша дернулся, вывернул плечо, просунул колено между собой и старостой, рванулся всем телом — и перевалил его через себя. Теперь сверху был он.

Семен Ильич успел лишь зло и удивленно выдохнуть, когда Саша с размаху ударил его по лицу. Потом еще раз. Из разбитой губы брызнула кровь. Староста дернулся, пытаясь закрыться, но Саша уже не видел этого — он бил, вкладывая в удар весь этот день: смерть деда, таблетки, пропавшее ружье — все сразу.

И тут совсем рядом раздался выстрел. Что-то словно раскаленным шилом полоснуло по руке. Саша дернулся, слетел со старосты и инстинктивно отшатнулся в сторону. Дробь прошла мимо — только одна пуля задела предплечье, прожгла мясо, но кость, кажется, не задела.

На мгновение все замерло. Саша резко обернулся. Колька так и стоял у крыльца с ружьем, оглушенный собственным выстрелом. Глаза вытаращены, плечи дрожат.

— Ты что творишь?! — крикнул Саша. — Ты меня убить хочешь?!

Колька ничего не ответил. Только судорожно сглотнул, поднял ружье повыше и попытался прицелиться — не как в первый раз, вслепую от страха, а прямо в Сашу. Вот это было по-настоящему страшно.

Саша увидел, как Колька снова нажал на спусковой крючок — передний, тот самый, который сработал при первом выстреле. Ничего.

Колька ткнул в него еще раз, уже в панике, не сразу сообразив, в чем дело. Ружье дрожало у него в руках, палец судорожно шарил внутри спусковой скобы, ища второй спусковой крючок.

Саша сразу понял: второй ствол заряжен. Ещё мгновение — и Колька нащупает задний спусковой крючок.

Саша рванулся к нему — три быстрых шага. На четвертом он вцепился в стволы, дернул их в сторону и вниз. Колька вскрикнул, вцепился в ружье мертвой хваткой — и в этот момент все-таки нащупал второй спусковой крючок.

Раздался второй выстрел. Стволы смотрели туда, где ещё мгновение назад был Саша. Но его там уже не было — он успел уйти с линии огня и оказался сбоку.

Они оба замерли. Колька вдруг перестал вырываться. Саша обернулся.

Семен Ильич успел подняться на ноги. Наверное, хотел броситься к ним — оттащить сына, выбить ружье, прекратить это безумие. Теперь он стоял в нескольких шагах, странно выпрямившись, словно еще не понимал, что произошло. На груди у него быстро расплывалось темное пятно.

Он опустил взгляд. Хотел что-то сказать — и не смог. Колени подогнулись. Он тяжело опустился на одно колено и завалился на бок.

Колька уставился на него пустыми глазами — в них не было ни слёз, ни крика, только полное непонимание. Потом сорвался с места.

— Па... — Колька поперхнулся, горло свело судорогой. — Папа! — выдавил он наконец, и из его груди вырвался крик — дикий, животный, полный такого ужаса, что в нем не осталось ничего от обычного голоса Кольки.

Он упал рядом на колени, схватил отца за плечи и слегка повернул к себе. Семен Ильич уже не отвечал, только хрипел — прерывисто, с бульканьем. Кровь текла из груди и выше, из шеи, пропитывая ткань и капая на землю.

Саша застыл с ружьём в руках. В голове вспыхнуло одно бессмысленное, отчаянное желание: бинты. Нужны бинты. Наталья Ивановна. Тряпка. Чтобы остановить кровь.

Он сделал шаг вперёд, уже протягивая руку, чтобы помочь, перевязать, хоть что-то сделать, — но уже понимал, что поздно. Слишком близко. Слишком много дробин попало в тело. Такое не зажать ладонями и тряпками.

И тут на крыльце раздался страшный, душераздирающий крик — нечеловеческий, полный такого отчаяния, что у Саши все внутри оборвалось.

Женя.

Она выбежала босиком, в накинутом на плечи платке, с уже заметным животом, и, увидев мужа на земле, закричала так, что кровь застыла в жилах. Подбежала, рухнула рядом, прямо в кровь, схватила Семена Ильича за лицо, за грудь, не зная, куда деть руки, что зажимать, как вернуть его.

— Сёма... Сёмочка... нет... нет, нет, нет... — голос срывался на каждом слове, переходя в вой.

Колька всхлипывал рядом, не в силах выговорить ни слова, только повторял: «Папа... папа...» — и тряс его за плечи, словно надеясь разбудить.

Саша присел рядом, протянул руку, чтобы помочь, перевязать, хоть что-то сделать, но Женя резко вскинула голову.

Она на мгновение замерла, глядя в лицо мужа, словно пытаясь запомнить его таким. Потом подняла глаза на Сашу. И увидела только одно: он стоит над ними с ружьём в руках, а ее муж лежит в крови.

— Убил... — недоверчиво выдохнула она, губы ее дрожали.

Саша мотнул головой, его голос сел и стал хриплым:

— Это не я... Я не хотел...

— Убил, сука, — уже громче сказала она, и ее голос сорвался на крик. — Убил его...

— Женя, это не так, — хрипло сказал Саша. — Я не стрелял. Это случайно. Я...

— Зачем?! — крикнула она так, что даже Колька вздрогнул и отшатнулся. — Зачем ты его убил?!

И в эту секунду Саша понял самое страшное: сейчас ничего нельзя объяснить. Не потому, что слов нет. А потому, что картина перед ними уже сложилась — и никакие слова не могли ее изменить. Мертвый хозяин двора. Сын на коленях, шепчущий в пустоту «папа». Беременная жена в крови, с искаженным от горя лицом. И он — с ружьём в руках, перепачканный чужой кровью.

С улицы донесся чей-то крик:

— Что случилось?!

Потом ещё один голос:

— У старосты стреляли!

Хлопнула калитка. Кто-то бежал сюда, топот приближался.

Саша стоял, тяжело дыша, не в силах выпустить двустволку из онемевших пальцев. Ладонь жгло от стволов, по предплечью текла кровь — то ли его собственная, то ли чужая, — сердце колотилось так, будто рвалось наружу, готовое выпрыгнуть и исчезнуть.

Женя прижимала к себе мёртвого мужа и смотрела на Сашу с такой ненавистью и ужасом, что от этого взгляда хотелось отступить, исчезнуть, вычеркнуть себя из этого мира.

А Колька всё повторял, как в бреду, шёпотом, то ли отцу, то ли самому себе:

— Пап... пап... пап...

Глава 2

Саша понял это сразу — всем телом, как порой в лесу, еще до того, как оформится мысль, чувствуешь: рядом зверь. По тому, как все сжимается внутри, по ледяному холодку вдоль спины, по внезапной ясности: лишнее движение сейчас может стать последним.

Объяснить ничего не получится — ни сейчас, ни здесь.

С улицы уже бежали люди. Через несколько секунд двор заполнится, и на него посмотрят так же, как только что смотрела Женя: на мертвого старосту, ружье в его руках, кровь на руке и одежде. Колька, даже если и сумеет что-то сказать, сам толком не поймет, что произошло. Да и кто станет его слушать в такую минуту?

Сейчас его просто убьют.

Мысль была короткой, сухой, без паники — и оттого пугающей.

Саша разжал пальцы. Двустволка тяжело упала в пыль почти у самого крыльца. Он отступил на шаг, потом еще на один, резко развернулся и пошел не к калитке, а в сторону — за угол сарая. Сзади уже кричали — не ему, а друг другу: «В дом!», «Во двор!». Голоса сливались в глухой шум, похожий на журчание воды на перекате. Кто-то, может, и заметил его движение, но в ту секунду все смотрели не на него.

Он сорвался на бег.

Через чужие огороды, вдоль покосившихся заборов, между темными сараями, где пахло сырой землей, куриным помётом и старым дымом. Левая рука горела от дробы — ткань на рукаве прилипла к ране. Воздуха не хватало, в груди резало, но он бежал ровно, не метался, как зверь, а быстро и молча — так, как учил Захар: «Если уходишь, уходи сразу, не суетись и не поднимай лишнего шума».

Та же изба, те же сени, та же дверь в комнату Захара — но все уже казалось другим. Саша влетел внутрь и закрыл за собой дверь, не задвинув засов. Если за ним придут, засов не поможет. А если не придут в ближайшие минуты, значит, ему повезло.

Он остановился посреди избы и заставил себя сделать два глубоких вдоха.

«В лес. Прямо сейчас, — пронеслось в голове. — Потом, когда всё утихнет, когда у людей в голове перестанут звучать этот крик и эта кровь, можно будет вернуться. Объяснить. Рассказать, как всё было. Или не возвращаться...».

Но сейчас — в лес.

Саша двигался быстро, почти не раздумывая. Как когда-то, собираясь с Захаром на долгую охоту, когда заранее знаешь, что лишнего не унесёшь, но и забытого не добудешь.

У лавки под стеной стоял мешок с охотничьими припасами — старый, потемневший, но крепкий. Саша всегда держал его наготове для долгих походов. Он схватил мешок, бросил его на стол и поспешно развязал.

Внутри лежали сухари, котелок, фляга, нож, огниво, бинты, портянки и чистая рубаха. Спальник уже был закреплен снаружи: старый, довоенный, с заплатками. Он привычно проверил крепления и принялся укладывать вещи.

Под полкой нашлась жестяная банка с патронами — немного, десятка два, может, чуть меньше. Саша на мгновение задумался: брать или нет? Но тут же махнул рукой, высыпал патроны на ладонь и сунул в карман. «Все пригодится, — мелькнуло в голове. — Даже если стрелять будет нечем, их всегда можно обменять на еду. В этом мире пули порой сытнее сухарей».

Только у двери он вспомнил про руку. Кровь уже почти не шла, но рукав слипся, а ладонь начала неметь. Саша стянул куртку, зубами разорвал рубашку на полосы и кое-как перевязал предплечье поверх старой ткани. От этого боль только усилилась — резкая, злая, как будто

кто-то снова ткнул в кожу раскаленным гвоздем. Он коротко выдохнул сквозь зубы, натянул куртку обратно и схватил второй мешок.

И тут я вспомнил ещё кое о чём — о тайнике.

Захар когда-то показал ему это место и провел по маршруту, чтобы Саша запомнил ориентиры. Два кривых сосновых ствола на пригорке, камень между ними, старая береза с наростом пониже. Все просто, неприметно, но если знать, куда смотреть, ошибиться невозможно.

«Не храни все важное в одном месте», — сказал тогда Захар.

Саша уже был у двери, когда его по-настоящему осенило: дом — первое место, куда полезут. Не сегодня ночью, так утром. И если у Захара что-то и осталось, то только там.

Он уже шагнул в сени, но вдруг остановился.

В доме стояла гнетущая тишина. Только снаружи доносились крики, хлопали двери, кто-то звал кого-то по имени. А здесь тишина была плотной, почти осязаемой — она обволакивала, давила на плечи, заставляя невольно задерживать дыхание.

Саша медленно обернулся. Дед лежал там, в комнате, куда он сейчас не решался зайти. Лежал и уже ничего не мог сказать — ни о том, как правильно поступить, ни о том, куда идти, ни о том, как теперь жить. Его ещё похоронят — может, завтра, может, послезавтра. А Саша, может, уже не успеет вернуться. А может, и вовсе не вернётся...

Он постоял, не зная, что сказать. Что говорят тому, кто заменил тебе деда? Кто учил ходить, стрелять, выживать — кто был рядом, когда родных уже не было? Слов не находилось.

Потом глухо, почти шёпотом, чтобы никто снаружи не услышал, произнёс:

— Ты прости меня, дед.

Слова прозвучали неловко, чужеродно. Саша сглотнул и добавил быстрее, словно боялся не договорить:

— Я, кажется, натворил глупостей. И за это тоже прости.

Он помолчал, глядя в темноту дверного проёма. Хотел сказать что-то ещё — какое-то правильное, весомое слово, — но ничего не приходило на ум. Ни мудрого, ни красивого.

— Ладно... Прощай.

И сразу вышел, почти выбежал — как будто, если задержится ещё на секунду, уже не сможет уйти.

Высочив во двор, Саша огляделся. В деревне поднимался шум, но не здесь. Люди стекались к дому старосты. Оттуда доносились крики — уже не такие, как поначалу: скомканные, тяжелые, с матом, с испугом, с чужими вопросами. Сюда пока никто не шел.

Пригнувшись, Саша направился к огородам, а потом — к лесу.

До тайника было недалеко — минут пятнадцать, если идти спокойно и прямо. Но сейчас спокойно идти не получалось. Он все время прислушивался: не лают ли собаки, не хрустнет ли ветка под его ногой, не окликнут ли его по имени в темноте.

Саша знал этот лес как свои пять пальцев — каждую тропинку, каждый поворот. Но сейчас он шёл как по чужой земле. Шаг за шагом, прислушиваясь к каждому звуку. Хруст сухой ветки под ногой отдавался в ушах раскатом грома, а тишина вокруг словно сгущалась, выжидая. Казалось, сам лес затаил дыхание и только и ждёт момента, чтобы выдать его следователям.

Пригорок он нашел не сразу. Дважды сворачивал не туда, один раз вышел к поваленной ели и понял, что свернул слишком влево. Рука дергалась и мешала, пальцы плохо слушались. От спешки все вокруг сливалось в одно пятно: деревья, мох, низкий кустарник, темные пятна земли. Только на третий раз он увидел все сразу — и две сосны, и камень, и березу с наростом.

Остановившись, Саша оперся ладонью о ствол и несколько секунд просто дышал, успокаиваясь.

Потом начал копать.

Лопату он не взял — даже не вспомнил о ней. Пришлось копать руками. Земля сверху была мягкой, но под ней оказались корни, сырые комья, камни. Под ногти сразу забились грязь, а раненая рука горела так, что иногда темнело в глазах. Он копал и копал, отбрасывая землю в стороны, уже не думая ни о чем, кроме того, что ящик должен быть здесь. Должен. Иначе все зря.

В голове мелькнула еще одна мысль: там, наверное, консервы. Захар хранил их про запас. Саша не хотел их трогать — это была одна из тех вещей, которые годами лежат без дела не потому, что о них забыли, а потому, что на них не решаются. Но если придется — значит, придется. Потом, когда все уляжется, можно будет вернуть. Хотя бы часть.

Пальцы ударились обо что-то твердое.

Он замер, потом начал разгребать землю осторожнее. Сначала показался брезент, потом под ним что-то гладкое. Ящик был большой и тяжелый, сначала его обернули брезентом, потом полиэтиленовой пленкой. Саша, переводя дыхание, почему-то вспомнил, как когда-то долго пытался выговорить это слово и злился, что язык заплетается.

«Если бы Семён Ильич узнал, что Захар так расточительно использует старый ресурс, он бы ругался до хрипоты», — мелькнуло в голове.

И тут Сашу как будто что-то толкнуло изнутри:

Семён Ильич мёртв.

Он уже не будет ругаться.

От этой мысли ему стало так дурно, что он на секунду сел прямо в грязь и закрыл глаза. Перед ним тут же всплыли образы: лицо Жени, Колька на коленях, кровь на рубахе старосты. Саша резко выдохнул, заставил себя открыть глаза и сорвал обвязку с ящика.

Внутри все было уложено плотно и продуманно.

Сверху — несколько банок консервов, тяжелых, тусклых, с неразборчивыми надписями. Захар когда-то показывал их и усмехался:

— Такие нас с тобой переживут.

Ниже лежал большой рюкзак. Саша вытащил его — крепкий, добротный. Внутри — военная аптечка в жёстком чехле. Половина отделений пуста, но бинты, антисептик и жгут нашлись. Этого хватит. Он стиснул зубы: нужно обработать руку. Вспоминать, как от заражения умер сосед, не хотелось, но этот урок запомнился навсегда.

Рядом лежали бумаги: несколько тетрадей в клеенке, сложенная карта, еще какие-то листы. В темноте толком не разглядишь.

Потом пальцы наткнулись на что-то знакомое.

Тепловизор.

Тот самый, старый, который Саша давно не видел. Когда-то Захар возился с ним неделями, потом чинил еще и еще, а потом махнул рукой и сказал всем, что он окончательно умер. Но, оказывается, не умер. Просто переехал сюда. Тут же лежал большой аккумулятор и ручная динамо-машина.

Если теплак был жив, вещь считалась почти бесценной.

Дальше — патроны. Заводские, к которым Саша не привык: блестящие, аккуратные, будто только что со старого склада, — в промасленной бумаге, а сверху еще и в тряпочке. Две небольшие пачки. Он повертел одну в руках, не сразу поняв, зачем они Захару и для чего: для автомата? Для винтовки?

— И на кой черт тебе все это было... — пробормотал он в темноту.

Закрыв опустевший ящик и уже собрался поставить его на место в яме, как вдруг заметил: в яме, прямо под ящиком, что-то лежало. Свёрток. Плотнo укутанный, спрятанный отдельно. Он осторожно отодвинул ящик в сторону, взял находку и принялся разворачивать брезент.

Винтовка.

Длинная, аккуратная, со скользящим затвором. Похожа на ту, что Захар когда-то выпросил в деревне для охоты, а потом тайком учил с ней обращаться Сашу в укромном месте у оврага. Только эта была новее, строже, собраннее. Каждая деталь на своем месте, металл блестит сдержанно, без ржавчины, слегка смазан маслом — видно, за ружьем тщательно ухаживали. И сохранилась она гораздо лучше всего остального в ящике.

Рядом лежал отдельный футляр. Саша открыл его — внутри оказался оптический прицел.

Он долго смотрел то на винтовку, то на прицел. Захар никогда о ней не рассказывал. Ни разу. Не показывал, даже намеком не давал понять, что у него есть что-то подобное. Значит, прятал не только от старосты, но и вообще ото всех.

И тогда Саша понял: оставлять ее здесь нельзя. Если схрон найдут — а после сегодняшнего могут начать искать все подряд, — такую вещь сразу заберут. И точно не вернут.

Он опустошил свой старый мешок и переложил все содержимое в новый рюкзак: теперь добро уместилось плотнее. Добавил несколько банок консервов. Взял все, что мог унести за раз. Остальное кое-как уложил обратно, засыпал сверху тем, что осталось, и уже не стал закатывать так тщательно, как раньше: на это не осталось ни сил, ни времени.

Когда он наконец поднялся на ноги, на спине у него висел увесистый рюкзак, а через плечо была перекинута винтовка. Он поудобнее перехватил лямки, проверил, надежно ли закреплена винтовка, и пошел дальше, вглубь леса.

Ему все казалось, что он ушел недостаточно далеко. Потом — что слишком далеко. Потом снова — что недостаточно.

Под ногами хрустели ветки, иногда шуршали листья. Несколько раз он останавливался, прислушиваясь, но слышал только себя: своё дыхание, тяжёлые шаги, глухой стук крови в ушах. Один раз ему показалось, что где-то далеко позади залаяла собака — или не собака, а лиса. Он не стал разбираться.

Мысли приходили рваными, короткими обрывками:

Женя.

Колька.

Лицо старосты, когда он еще стоял и, кажется, сам не понимал, что уже мертв.

Пустая стена в доме, где раньше висела «Бенелли».

Захарово «гляди».

А еще — упрямая, почти детская надежда, что если он переждет ночь в лесу, то к утру все станет не таким страшным и неправильным. Кто-нибудь вспомнит. Кто-нибудь расскажет, как все было на самом деле. Кто-нибудь не даст толпе совершить самое простое и самое глупое.

Но даже пока он об этом думал, он уже знал, что надеяться не на что.

Наконец он выбрал место между двумя елями — там земля была суше, а ветер дул выше. Сбросил рюкзаки, прислонил винтовку к стволу и какое-то время просто стоял, согнувшись и уперев руки в колени. Потом достал аптечку.

Внутри пахло чем-то старым, медицинским, почти забытым: спиртом, бинтами, лекарствами. Спирт, бинты, ампулы, ножницы, таблетки в жёстких блистерах, шприцы, жгут. Саша даже растерялся на секунду от того, сколько там было всего. Рану он промыл наспех, стиснув зубы так, что заболели челюсти, кончиком ножа вытащил из мяса мелкую дробь и как следует перевязал. Стало не легче, но чище. А значит, лучше.

После этого он расстелил спальник. Старый, тяжелый, довоенный, с множеством заплаток, он пах пылью, сыростью и чем-то домашним — так, что на мгновение перехватило дыхание.

Перед тем как лечь, Саша все-таки достал бумаги. Света почти не было — только серое небо между вершинами и тусклое пятно луны. Но кое-что разглядеть удалось.

Карта была старая, еще довоенная, с карандашными пометками Захара поверх печатных линий. Какие-то дороги были перечеркнуты, какие-то, наоборот, обведены жирным. Несколько названий Саша узнал — они звучали знакомо, как будто из прошлой жизни. На полях темнели короткие, скупые пометки: «чуж.», «фон», «обм.», «вода».

Бумаг оказалось несколько: аккуратно сложенные вместе вырванные листы. Первый — местный, с их родными местами: лесами, просёлочными дорогами, редкими живыми точками, которые Захар когда-то помечал для себя. Второй — гораздо масштабнее: старый лист на полстраны с городами, реками и дорогами. Названия на нём Саша помнил смутно — скорее по школьным урокам, чем по собственным путешествиям. По карте тянулась карандашная дорожка — неровная, с объездами, остановками и короткими пометками на полях.

Взгляд Саши скользнул по карте, зацепившись за карандашную линию. Сначала она казалась случайной, но чем дальше он вглядывался, тем яснее проступала логика маршрута: обходы, остановки, осторожные повороты. Направление определилось — юг, Краснодарский край. И только потом до него дошло: Захар собирался отправиться туда.

Был ещё третий лист — подробный, только с этого самого края. На нём оказалось много пометок, но все они были короткими, скупыми: крестики, кружочки, стрелки, обрывки слов. В полумраке они сливались в неразбериху. Саша вглядывался, разбирая по одной: «обход», «вода», «связь». Что-то совсем стёрлось, затёрлось пальцами до едва заметных штрихов — уже не разобрать.

И тут его словно ударило.

Захар рассказывал об этом еще в первые дни, когда связь местами работала. Тогда он успел поговорить с братом и даже услышать голоса детей. Они были где-то там, на юге, у моря.

Саша замер. Когда-то и его родители обещали свозить его на море — еще до войны, в той жизни, которая оборвалась без возврата. С тех пор само слово «море» стало чем-то далеким, почти нереальным, словно из сказки, которую когда-то читали на ночь.

Он снова посмотрел на карту. Юг. Краснодарский край. Пометки у побережья. Всё сходилось. Захар не просто так отметил этот путь — он собирался туда, к брату и детям. Мысль постепенно обретала форму и вес.

Саша ещё несколько секунд неподвижно сидел, глядя на карандашный контур, протянувшийся через полстраны. Линия на бумаге вдруг показалась ему границей между мирами: с одной стороны — привычная суровая реальность, с другой — место, где живут родные, звучат детские голоса и шумит море. Теперь это слово звучало почти так же дико, как «космос» или «метро» — обрывки из давно ушедшего мира.

Он сложил карту, засунул ее поглубже в рюкзак и лег в спальник, подтянув край к подбородку.

Лес вокруг жил своей ночной жизнью. Где-то негромко хрустнула ветка — то ли под лапой зверя, то ли просто от ветра, — и снова стало тихо. Холод медленно подбирался снизу, от земли, но внутри спальника было терпимо. Рука тупо ныла, напоминая о случившемся.

Саша закрыл глаза.

Сон не шёл.

Перед ним снова и снова вставали картины: двор старосты, кровь на земле, Колька с белым лицом, Женя, которая смотрит на него так, будто он уже не человек. Потом все это отступало, и на мгновение он видел совсем другое: карту на коленях, карандашную линию, ведущую на юг, и слово, которое давно должно было умереть вместе со старым миром, но почему-то не умерло.

Море.

Он стиснул зубы, осторожно перевернулся на бок и попытался уснуть.

Сон обрушился внезапно — вокруг была вода, бескрайняя и живая. Саша стоял на берегу и смотрел вдаль: до самого горизонта — только волны. Ни земли, ни лодок, ни признаков

жизни. Серое небо, шум прибоя, мерное дыхание моря — накатывает, отступает, накатывает, отступает.

Он знал, что это море. И знал это так же естественно, как своё имя.

За спиной раздался голос.

Саша обернулся.

На берегу стояла Женя. Лицо у нее было белое, как будто обмороженное, волосы прилипли к вискам. Руки по локоть в крови. Она подняла руку и ткнула в него пальцем.

Потом начала что-то говорить. Нет, скорее кричать.

Но он не слышал ни звука. Волны бились о берег так гулко и тяжело, что заглушали все вокруг. Женя открывала рот, ее губы дрожали, лицо искажилось, но до Саши доносился только шум прибоя — бесконечный, давящий, словно гром прямо в ушах.

Он шагнул к ней, пытаясь разобрать слова, и вдруг понял: слышать необязательно. По губам и так все было ясно.

«Убийца».

Саша вздрогнул всем телом и проснулся.

— Нет... — хрипло выдохнул он в темноту. — Нет, я не... не убивал...

Слова оборвались сами собой.

Несколько секунд он лежал, не понимая, где сон, а где явь. Лес вокруг казался серым и холодным — ещё не утренним, но уже и не ночным. Между ветками проступал тусклый рассвет. Сердце колотилось так, будто он и во сне бежал без остановки. Левая рука ныла тупой болью — от плеча до кисти, тяжело и вязко, словно под бинтом был свинец.

Саша сел, провел ладонью по лицу и заставил себя окончательно прийти в себя.

Уже светало.

Он выбрался из спальника, поежился от сырости и первым делом прислушался. Ни голосов, ни шагов, ни лая — ничего человеческого.

Саша аккуратно свернул спальник и направился к ручью: неглубокому, но чистому, бегущему между корней и камней. Он присел на корточки, зачерпнул воды здоровой рукой и умылся. Холод резко ударил в лицо, зубы, виски — и стало легче.

Затем осторожно размотал бинт на предплечье.

Рана выглядела плохо, но не безнадежно. Края опухли, кожа вокруг покраснела. Саша, стиснув зубы, промыл ее еще раз и перевязал — уже аккуратнее, без вчерашней спешки. Боль на секунду вспыхнула сильнее, а потом снова утихла, превратившись в тупое, терпимое нытье.

Есть хотелось так, что подводило живот, но консервы он трогать не стал. Открыл мешок, достал несколько сухарей и долго, почти с усилием, жевал их, запивая водой из ручья. Консервы были запасным вариантом на крайний случай. Пока можно обойтись сухарями — надо продержаться.

Покончив с едой, он некоторое время сидел, глядя на воду, и думал о тепловизоре. Мысль была простая: если прибор исправен, он может пригодиться. А если не разобраться с ним сейчас, потом может не хватить времени или возможности.

Саша вернулся к вещам, достал тепловизор и аккумулятор. Тот и правда напоминал старый повербанк — это слово всплыло откуда-то само собой, из довоенных времен, и показалось странным, почти чужим. Корпус тяжелый, поцарапанный, с треснувшим углом. Из него выходили два провода — красный и черный. У тепловизора такие же.

Саша нахмурился, повертел все в руках, прикинул. Захар бы, наверное, только хмыкнул и сказал что-нибудь вроде: «Не суетись. Смотри, что к чему подходит».

Он и посмотрел.

Провода совпали не только по цвету — кто-то уже переделал разъемы таким образом. Почти кустарно, но аккуратно. Саша осторожно соединил их, задержал дыхание и нажал кнопку.

Ничего.

Затем внутри прибора тихо пискнуло, и экран ожил, замигав мутным серым светом. Через секунду появилась картинка: стволы, земля, его собственная нога — все в странных, неживых оттенках тепла и холода.

Работает.

У Саши даже дыхание перехватило.

В углу почти сразу замигал индикатор заряда — слабо, тревожно.

Он тут же выключил прибор. Глупо было тратить остатки заряда.

Затем достал динамо-машину. Рукоятка, металлический корпус и коробка, обмотанная изолентой, — видно, Захар или кто-то еще не раз ее переделывал. От коробки тоже шли два провода: красный и черный.

Саша усмехнулся одними губами.

— Ну, ясно... — пробормотал он.

Подсоединил провода, несколько раз крутанул рукоятку. Механизм заурчал — сухо, натужно. На аккумуляторе мигнул крошечный огонек. Значит, схема рабочая. Значит, если будет время и силы, можно заряжать.

Этого пока хватало.

План на день сложился сам собой: вернуться поближе к деревне и посмотреть, что там происходит. Не попадаться на глаза, не лезть напролом, не надеяться на чудо — просто оценить, насколько все плохо.

Перед выходом он решил облегчиться. Глупо было брать с собой винтовку до самой деревни. Да и если вдруг придется бежать, с ней будет только больше хлопот. Рюкзак Саша тоже оставил. Нашел под вывернутыми корнями старой ели сухую нишу, прикрыл ее лапником, положил туда рюкзак, рядом — винтовку, сверху набросал хвороста и прошлогодней листвы. Не тайник, конечно, но так его случайно не заметят.

С собой взял нож, флягу и оптический прицел в футляре.

Прицел без винтовки лежал в руке странно — как недоделанная вещь. Но смотреть через него можно было.

Саша двинулся к деревне, петляя между деревьями. Он хотел выйти на опушку, возвышающуюся над полем, откуда деревня была как на ладони.

Он шел медленно — гораздо медленнее, чем прошлой ночью. Все время останавливался: прислушивался, всматривался в просветы между стволами. Несколько раз ему казалось, что вот-вот из кустов выскочат люди, молча набросятся на него и скрутят. Или просто выстрелят раньше, чем он их заметит. Каждый хруст ветки заставлял его напрягаться всем телом.

Но лес был пуст.

Он добрался до места ближе к обеду и сразу лег в траву на краю опушки. Отсюда хорошо просматривалась почти вся деревня: крыши, центральная улица, двор старосты, сараи, огороды, беседка на перекрестке.

Саша долго лежал, ничего не трогая, просто глядя на пейзаж.

Мысли сами собой потекли туда, куда он не хотел.

«А вдруг Семен Ильич все-таки жив? Вдруг рана оказалась не такой уж серьезной? Вдруг Наталья Ивановна успела его перевязать, вытащить из беды? Вдруг к вечеру его просто уложили в постель, и все обошлось?»

Мысль была жалкой, почти детской.

Но сразу прогнать ее не удалось.

Только когда Саша достал прицел и навел его на двор старосты, стало ясно: нет. Не обошлось.

По двору двигались редкие фигуры — настороженно, без обычной деревенской спешки. Не было той размеренной хозяйственной жизни, когда каждый знает, куда идет и что несёт.

Кто-то быстро переходил от дома к дому, кто-то стоял у забора, переговаривался вполголоса и тут же оглядывался по сторонам. Людей вообще было мало.

И почти у каждого было оружие.

У одного — старая одностволка. У другого — обрез за спиной. У третьего — ружьё в руках, словно он стоял на карауле.

На поля никто не вышел.

Огороды тоже почти пустовали. Двери домов были закрыты, кое-где занавешены окна. Деревня не жила — она ждала. Или настороженно сторожилась.

Саша лежал неподвижно час за часом.

Солнце поднялось выше, потом медленно склонилось к закату. Спина затекла, в шее появилась тянущая ломота, локти онемели от долгого лежания на земле. Рука ныла всё сильнее. Пару раз он опускал прицел, закрывал глаза, но через несколько минут снова подносил его к лицу.

Картина не менялась.

Вооружённые мужчины на улице. Редкие перебежки. Напряжение, которое чувствовалось даже отсюда.

Ближе к вечеру в голове все чаще начала крутиться одна и та же мысль: может, хватит сидеть? Может, пора идти? Вернуться ночью в деревню — и будь что будет? Объясниться. Сказать Григорию. Сказать хоть кому-то, кто знает его не первый день.

Но стоило взглянуть на людей с ружьями, и эта мысль тут же улетучивалась.

Ближе к вечеру на улицу вышел Егор.

Саша сразу узнал его походку — чуть размашистую. За спиной у него висело ружьё — видимо, выданное из общинного арсенала.

Егор дошел до беседки на перекрестке и сел там так, чтобы видеть центральную улицу.

Саша замер.

В прошлом году в Мостовом кого-то убили при обмене — то ли из-за соли, то ли из-за патронов, слухи ходили разные. После этого в деревне несколько дней выставляли ночные посты. Саша и сам тогда стоял вот так: ружьё рядом, глаза — на улицу, в сапогах холодно, и злость на чужую дурь.

Теперь на посту сидел Егор.

Из-за него.

Саша сглотнул.

Он не убийца.

Он это знал.

Но от знания ничего не менялось.

Мысль пришла шальная, дурная, почти безумная — из тех, что нельзя долго держать в голове. Если обдумаешь до конца, то не решишься. Если начнешь взвешивать, то найдешь десяток причин, чтобы этого не делать. А действовать хотелось именно сейчас — пока еще есть упорство, пока не успел по-настоящему испугаться.

Саша пополз обратно, обогнул опушку и начал спускаться к деревне с другой стороны — через кусты и старые огороды.

К беседке он подобрался почти вплотную. Сначала замер за кустом сирени, потом — за низким забором, а затем, уже из тени, едва слышно шепнул:

— Егор.

Тот дернулся так резко, что у Саши внутри все оборвалось. Егор вскочил, ружьё мгновенно оказалось у него в руках.

— Кто? — выдохнул он шёпотом, вглядываясь в темноту.

— Это я, — так же тихо ответил Саша. — Не ори.

Егор не опустил ружьё.

Несколько секунд они смотрели друг на друга: один — из беседки, другой — из кустов. Потом Саша всё-таки шагнул вперёд, чтобы его было видно.

— Егор, это я.

Егор побледнел — это было заметно даже в сумерках.

— Ты... — только и смог выговорить он.

— Что со старостой? — спросил Саша.

Егор моргнул, бросил быстрый взгляд куда-то в сторону улицы, потом снова посмотрел на него.

— Ты его убил, — глухо произнёс он.

Эти слова неожиданно сильно ударили по Саше, хотя он ждал их весь день.

— Я не убивал, — быстро возразил он. — Егор, я с ним подрался, да. Но это Колька выстрелил — случайно. Я даже на спусковой крючок не нажимал, стволы вниз тянул, понимаешь? Он сам второй раз...

Егор молчал, слушал, не перебивая. Только ружье держал все так же — поперек груди.

— Я не хотел так, — выдохнул Саша. — Я вообще не за этим пришел. Я хотел вернуть свое ружье, и все.

— Григорий сейчас у нас за главного, — тихо сказал Егор. — И он сказал: при встрече с тобой — стрелять.

Саша смотрел на него, не сразу осознав смысл сказанного.

— В меня? — растерянно спросил он.

— А в кого еще? — устало отозвался Егор. — В тебя, Сань.

У Саши словно разом все кости из тела выпали. Он сел прямо на землю у беседки, прилонился плечом к столбу и опустил голову.

— Да я же не хотел... — проговорил он почти шёпотом. — Правда не хотел. Колька случайно. Это он...

— Да даже если так, — перебил Егор уже более жёстко, но всё ещё тихо, — зачем ты туда полез? Зачем полез драться со старостой? Пошёл силой забирать ружьё... Оно ведь даже не твоё. Ты натворил дел, Сань. И уже неважно, кто нажал на спусковой крючок. Для всех ты его убил.

Саша ничего не ответил.

Они сидели друг напротив друга: Егор в беседке — настороженный, с ружьем на коленях, и Саша внизу, в сумерках, у самого края дороги. Совсем рядом — и все же словно по разные стороны какой-то невидимой черты, которую не перейти простыми словами.

Наконец Саша поднял глаза.

— И что теперь? — спросил он. — Будешь в меня стрелять?

Егор даже отшатнулся.

— Ты что, с ума сошел? — прошипел он. — Нет, конечно. Я вообще думал, ты давно в Озерки ушел. И в голову не приходило, что ты тут ошиваешься.

Снова повисла пауза.

Потом Егор шумно выдохнул и покачал головой.

— Дурак ты, Саня. Какой же ты дурак...

Он сказал это без злобы, скорее с усталой жалостью, от которой стало только хуже.

— Тебе надо в Озёрки, — продолжил он. — И побыстрее. Через Мостовое не суйся — туда уже отправили вестового, там тоже про тебя знают. Разбираться не будут.

Саша слушал молча.

— Иди, пока не поймали, — сказал Егор. — Потому что если поймут... даже не знаю, что с тобой сделают. Женя там рвёт и мечет. А Гриша тебя жалеть не станет. Он ночует в твоей хате. Думает, ты туда вернёшься.

Саша медленно кивнул.

В груди было пусто и холодно. Слова Егора окончательно лишили его последней надежды — не страха, а чего-то другого, более тяжелого. Дом для него теперь закрыт. В деревне его ждут не для того, чтобы поговорить. Пути назад нет.

Егор помедлил, потом полез в карман ватника и достал сверток в тряпице.

— На, — буркнул он. — У меня тут перекус был.

Внутри оказались два куска хлеба и сало.

Саша взял, не говоря ни слова. Есть вдруг захотелось так сильно, что пальцы задрожали. Он быстро съел все, почти не чувствуя вкуса — только соль и жир на языке, — и запил из фляги.

Егор смотрел в сторону, словно давая ему возможность доесть без лишнего унижения.

Когда Саша поднялся, они еще секунду молчали.

— Спасибо, — сказал он наконец.

Егор кивнул, но ничего не ответил.

Потом тихо добавил:

— Иди уже, пока темно.

Саша развернулся и пошел обратно тем же путем, каким пришел, — через кусты, огороды, к лесу. Он ни разу не обернулся.

Позади осталась деревня, в которой он вырос. Где жил Захар. Где еще вчера у него был дом — пусть наполовину чужой, бедный, темный, но свой. Теперь дороги туда не было.

Пока путь был один — на Озёрки. Другого ему не оставили.

Глава 3

К своим вещам Саша вернулся уже в сумерках.

Шёл медленно, без света, на ощупь, стараясь не шуметь. Несколько раз останавливался и вслушивался — не идёт ли кто следом, не трещат ли кусты не от ветра, — но слышал лишь редкое капанье с веток да собственное дыхание.

Вывороченные корни старой ели он нашёл не сразу. Сначала вышел чуть правее, к низине, потом вернулся, нащупал сапогом нужный бугор и только тогда присел. Разгрёб лапник и сухую листву, осторожно потянул за ляжку.

Рюкзак был на месте. Винтовка тоже.

«Никуда дальше сегодня я уже не пойду», — понял Саша.

В темноте по незнакомой дороге идти было попросту глупо. Даже в лучшие времена тут легко было подвернуть ногу, угодить в болото или не заметить старую канаву — днём-то её не сразу разглядишь, а уж ночью и подавно. К тому же Саша и без того был выжат досуха.

Он только подтянул поближе рюкзак, винтовку положил рядом — так, чтобы достать рукой, — и, не разводя огня, залез в спальник. Земля под ним была холодная, корни давили в бок, сырость пробивалась даже сквозь ткань, но выбирать не приходилось.

Некоторое время он лежал с открытыми глазами, всматриваясь в темноту над собой. Потом сон всё-таки свалил его.

Во сне он шёл посреди деревенской улицы. Было светло — мутным, мёртвым светом, какой бывает перед грозой или в плохом сне, когда всё видно слишком ясно и оттого ещё страшнее. Избы стояли на своих местах, заборы, колодец, беседка у перекрёстка — всё было знакомым, только пустым. Ни людей, ни собак, ни дыма из труб.

В руках у Саши была винтовка. Он сам не знал, откуда она взялась во сне, просто держал её и чувствовал холод металла в ладонях.

Потом впереди, между избами, показался человек — Семён Ильич. Он шёл медленно, как идут больные или пьяные, слегка заваливаясь то на одну сторону, то на другую. Рубаха на груди и шее была вся тёмная от крови. Кровь стекала вниз — по животу, по рукам, капала на землю. Лицо у старосты было серое, неподвижное, только глаза смотрели прямо на Сашу — не мигая, тяжело.

— Ты меня убил, — глухо произнёс он, будто голос доносился не через воздух, а сквозь воду.

Саша поднял винтовку и навёл на него. Семён Ильич шёл дальше.

— Ты меня убил, — повторил он.

— Нет, — выговорил Саша, сам не слыша своего голоса. — Нет, не я.

Но староста как будто и не слушал. Всё шёл и шёл, медленно, неотвратимо, с той же страшной прямоотой. И чем ближе подходил, тем яснее Саша видел кровь — на рубахе, на шее, на щеке, даже на пальцах. Будто он всё время держался за рану и теперь нёс её на себе, словно доказательство.

Саша пятился, не опуская винтовки. Нога зацепилась за что-то — он не успел понять, за что именно, — и упал на спину с коротким хрипом. Винтовка дёрнулась, ствол ушёл в сторону, а Семён Ильич оказался прямо над ним: неподвижный, тяжёлый, неотвратимый.

— Убил, — произнёс он в третий раз, и голос прозвучал прямо над ухом.

Саша рванулся, пытаясь отползти... и очнулся. Спальник сковывал движения — он запутался в нём во сне. Резко сел, упёрся спиной в ствол ели, коленом задел выступающий корень. Холодный пот струился по виску, дыхание было прерывистым. Он замер на мгновение, осознавая: это был всего лишь сон.

— Не я... — хрипло проговорил он в пустоту. — Не я.

Но слова прозвучали слабо и глупо — будто он оправдывался перед самим лесом.

Больше сон не шёл. Он ещё полежал немного, вслушиваясь в ночные звуки: шорох листвы, далёкий крик ночной птицы, едва уловимое движение ветра. Потом всё-таки задремал урывками и поднялся уже в сером предраассветном свете — разбитый, злой и будто ещё тяжелее, чем накануне.

Есть хотелось, но не сильно. Больше мучила сухость во рту да ломота в руке. Саша попил из фляги, достал сухарь и принялся жевать — долго, через силу, словно пытаясь вернуть себе хоть каплю сил. Затем скатал спальник и привёл себя в порядок, насколько мог. Рану трогать не стал — только проверил повязку. Та держалась.

Когда небо на востоке чуть порозовело и тьма начала отступать, Саша закинул рюкзак за плечи, взял винтовку и направился к Озёркам.

Раньше туда вела дорога — нормальная деревенская, хоть и разбитая: с колеями, с лужами после дождя, с липкой глиной по осени. По ней когда-то ездили на тракторах и машинах. Теперь проехать там было невозможно. За девять лет её местами размывло дождями, местами поглотило болото, а местами она просто исчезла под буйной травой и молодым кустарником. Но направление всё ещё угадывалось — по старым столбам, по редким насыпям, по тому, как лес расступался шире, чем должен был.

Саша шёл туда, где когда-то была дорога, и сам не заметил, как снова начал думать о Захаре.

Почему тот так и не пошёл этим маршрутом? Ведь собирался — это было видно по картам, по пометкам, по всему, что лежало в схроне. Значит, думал, прикидывал, готовился — не один день. Может, не один год.

Почему не решился?

Сначала не мог уйти из деревни? Тогда ещё всё держалось на старых связях, на робкой надежде, что жизнь как-то выправится сама. Потом здоровье подвело? Или дело было не только в нём?

Саша шагнул через поваленную берёзу, спустился в сырую ложбину и снова выбрался на остатки насыпи.

Может, из-за него...

Мысль была неприятная, но слишком простая, чтобы отмахнуться. После смерти тёти он ведь действительно свалился Захару на голову — худой, перепуганный пацан, который ничего не умел и всё ещё ждал, что его вот-вот заберут родители.

Первые месяцы, наверное, Захар ещё мог уйти. Пока Саша жил у тёти — мог. Пока та была жива, пока дядя ещё не пропал, пока всё не осыпалось до конца. Потом уже нет. Потом на руках у старика остался мальчишка — которого или бери к себе, или бросай.

Саша шёл и вспоминал — обрывки разговоров, неловкие взгляды, долгие паузы, когда Захар, казалось, взвешивал каждое слово. В памяти всплывали мелочи: как старик иногда смотрел на него, будто пытаясь разглядеть что-то далёкое и болезненное, как вдруг замолкал на полужеле, отворачивался, уходил в себя.

Вспоминалось не всё сразу, а кусками — будто кто-то перелистывал рваные страницы памяти.

Как родители отправляли его к тётке всего на пару недель. Так и говорили — на пару недель, не дольше. Сами должны были уехать по делам, потом вернуться, забрать его, и уже оттуда они собирались ехать к морю. Тогда это казалось самым главным на свете. Он и у тёти в первые дни думал только об этом: ещё немного — и они поедут. В воображении уже рисовались песчаный берег, шум волн, мороженое в вафельном стаканчике — всё то, что делает лето настоящим счастливым.

Как сидел целыми днями за компьютером в маленькой комнате на втором этаже. Игры, ролики, какая-то бесконечная довоенная чепуха, от которой теперь не осталось даже названий.

Как тётя звала есть, как дядя ворчал, что он так и ослепнет, если не отлипнет от экрана, — а он лишь кивал, не отрываясь от монитора, уверенный, что впереди ещё куча времени.

Как в ту ночь его разбудил свет. Сначала именно свет — белый, чужой, такой яркий, будто за окнами вдруг стало утро, только неправильное, злое. Потом забегали тётя с дядей, что-то задвигали, заговорили быстро и не теми голосами, какими говорят дома. А потом пришёл удар.

Саша остановился на минуту, глядя на старый покосившийся столб, и сжал зубы. Даже теперь тело это помнило — каждой клеткой. Ту дрожь в полу, тот грохот, от которого внутри всё съёжилось, и сразу стало ясно: произошло что-то страшное. Воздух будто сгустился, наполнился страхом, а время раскололось на «до» и «после».

Он пошёл дальше. Лес редел, открывая небо, но это не приносило облегчения. Под ногами всё чаще чавкала вода. Старая дорога здесь проседала, и приходилось обходить самые топкие места — по кочкам, по корням, по узким сухим полосам между чёрными провалами. Один раз он всё же влез неудачно: сапог ушёл почти полностью, грязь холодно обняла голень. Саша выругался сквозь зубы, выдернул ногу и пошёл осторожнее, внимательно выбирая путь.

В памяти всплыло другое — подвал. Как они сидели там с тётей и дядей, прижавшись друг к другу в полутьме. Как радио ловило обрывки фраз, которых он не понимал, а взрослые понимали слишком хорошо — по их лицам пробегали тени, губы сжимались в тонкую линию. Как всю ночь где-то далеко и близко продолжало греметь, и каждый новый звук заставлял вздрагивать. Как дядя молча перебирал батарейки, фонарь, воду — будто эти простые действия могли вернуть хоть каплю контроля над происходящим. А тётя всё время будто прислушивалась — к чему-то внутри себя, к какой-то тревожной ноте, что звучала в её душе.

Как на второй день дядя всё-таки уехал за сыновьями. Тогда это казалось временным — страшным, но временным. Он сказал, что быстро. Сказал, что не может их там бросить. Уехал и не вернулся.

Саша шагал по размытым остаткам дороги и думал, что, наверное, вся та жизнь и была построена на этом слове: «быстро». Быстро съездим. Быстро наладится. Быстро всё закончится. Быстро вернёмся. Слова, которые должны были успокаивать, но в итоге лишь растягивали ожидание, превращая его в пытку.

Ничего не вышло быстро.

Тётя после этого будто погасла — сначала ещё пыталась держаться: готовила нехитрый обед, подметала пол, слушала новости с напряжённой надеждой во взгляде. Потом всё чаще молчала, сидела неподвижно, смотрела в одну точку, будто внутри неё что-то надломилось. Первую зиму пережила тяжело — заболела, слегла. А потом умерла.

Родители к тому времени тоже не вернулись. Но Саша не мог стереть их из памяти. Они жили в каждом уголке дома, в старых фотографиях, в его собственных руках, которые когда-то держали их пальцы. Они больше не были теми, кто вот-вот вернётся — Саша перестал ждать этого с каждым новым днём. Но он не мог заставить себя поверить, что их больше нет: где-то, пусть очень далеко, они всё ещё были.

Саша поднял голову. Впереди между деревьями блеснула вода — река.

Он вышел к ней ближе к полудню. Здесь старая дорога когда-то спускалась к мосту, потом уходила на другой берег и дальше — к Озёркам. Но моста больше не было. Саша увидел это издали: пустой обрыв у воды, торчащие из грязи остатки свай, перекосившийся пролёт, заваленный вбок и заросший ивняком. Ветви ив склонялись над водой, словно скорбя, а течение неспешно уносило мелкие ветки и листья — будто само время стирало следы прошлого.

Он подошёл ближе, постоял, осматриваясь. Взгляд скользил по разрушенным опорам, по неровному краю берега, по тёмной воде, в которой отражались серые облака. В груди что-то сжалось — глухо, пусто, будто он только сейчас до конца осознал, насколько всё изменилось.

Река была неширокая, но быстрая — тёмная, с холодным металлическим блеском. Просто так лезть в неё не хотелось: казалось, она только и ждёт, чтобы схватить за ноги и утащить в свои ледяные глубины.

Саша двинулся вверх по течению, вдоль берега, высматривая место, где можно будет перейти. Шёл неторопливо, внимательно изучая каждый участок. Берег то поднимался крутыми уступами, то осыпался в воду осыпающимися комьями земли; пару раз приходилось продираться через густые заросли кустов, цеплявшихся за одежду.

Пока шёл, память снова вынесла старое — будто кто-то без спроса перемотал плёнку назад.

После смерти тёти Захар не стал тянуть. Пришёл, молча кивнул Саше — и тот пошёл за ним. Никаких разговоров, никакой жалости на лице. Только чёткие указания: вот твоя койка, вот дрова, вот печь — разберёшься. Воду носить сюда, в лес без спросу не соваться. Ошибёшься — сам виноват.

Захар учил не словами, а делом:

как ставить силки — терпеливо, шаг за шагом, показывая, где лучше всего подстерегать дичь;

как слушать лес — различать шаги зверя, шелест листьев от ветра и от движения, далёкие голоса птиц;

как не тратить патроны зря — ценить каждый выстрел, ждать верного момента;

как глядеть под ноги не только сегодня, но и на два шага вперёд — предугадывать опасность, замечать следы;

как не верить первому порыву — ни страху, ни злости, — а сначала дышать, считать до десяти и только потом действовать.

При этой мысли Саша скривился. Злости он как раз и не сдержал. И теперь шёл по старой дороге один — с рюкзаком на плечах и с клеймом убийцы на спине.

Через несколько минут он заметил место, где река мельчала. Вода там шумела по-другому — веселее, светлее, а из-под поверхности проглядывали камни и тёмные гряды песка. «Похоже на брод», — подумал Саша.

Он ещё немного прошёл выше, убедился, что лучше места не будет, и вернулся. Снял рюкзак, перехватил его повыше, винтовку взял в одну руку за ремень, другой для равновесия выставил чуть в сторону — и шагнул в воду.

Холод ударил сразу, до судороги — будто тысяча ледяных иголок впились в кожу. Дно сперва держало хорошо: камни, песок, мелкая галька приятно ощущались под сапогами. Потом ушло чуть глубже — вода поднялась до колен, потом выше. На середине течением толкнуло в бок, и Саша замер на секунду, упёрся сильнее, переждал. Вода дошла почти до пояса — ледяная, быстрая, норовящая сбить с ног, утащить за собой. Но брод оказался настоящим. Ещё несколько осторожных шагов — и дно снова поднялось, стало ближе к поверхности.

На другом берегу он выбрался мокрый, злой и продрогший до костей. Некоторое время просто стоял, тяжело дыша, пока вода стекала с одежды и сапог, оставляя на земле тёмные лужицы. Потом закинул рюкзак обратно, затянул ремни потуже и оглянулся.

За рекой, за болотами, были Озёрки. До них оставалось уже чуть-чуть — последние метры долгого пути.

Саша остановился на миг, вдохнул холодный воздух и принял решение: пробежаться. Совсем немного — так и согреется, и до деревни доберётся скорее. Он проверил рюкзак: патроны на месте, всё в порядке. За них его точно накормят и дадут отогреться.

«Я просто путник, — мысленно произнёс он. — Ищу укрытия на ночь».

Он перешёл на лёгкий бег — неспешный, размеренный, разгоняя холод после брода и стараясь добраться до деревни, пока не стемнело. Под ногами чавкала старая размытая дорога,

местами почти скрывшаяся под травой и болотной жижей. Кусты цеплялись за штанины, мокрые ветки хлестали по рукам, но он всё равно не сбавлял темп.

Вскоре между редящими деревьями показались первые дома.

Саша сразу замедлился.

«Не стоит врываться в деревню как ошпаренный, — подумал он. — Кто-нибудь увидит — и бог знает что подумает. Меня здесь точно не ждут. Связи нет, а эта дорога — самая короткая. Пока в нашей деревне догадаются пойти сюда, пока соберутся, пока решат, что я мог податься именно в Озёрки... пройдёт немало времени».

Но от этой мысли спокойнее не становилось.

Сюда можно добраться и большой дорогой. Если Григорий вдруг решит всерьёз меня искать, могут и машину завести. Бензин у старосты ещё оставался — немного, но ради такого могли и не пожалеть. Хотя... станут ли? Тратить горючее на одного беглеца? На него?

Саша сам себе не верил до конца.

Он вытер ладонью пот со лба, поправил лямку рюкзака и пошёл дальше уже шагом.

Первый дом стоял у самой опушки. Ещё издали было видно, что он пуст: крыша провалилась внутрь, под собственной тяжестью сломав стропила. Рядом всё заросло крапивой и молодым кустарником.

Следующий дом оказался не лучше. Двор утонул в бурьяне, забор перекосялся, одна створка ворот висела на единственной петле. За ним — ещё один дом, и снова та же картина: заросли, серые стены, ни дыма, ни голосов, ни малейшего признака жизни.

Саша шёл всё медленнее.

«Странно, — размышлял он. — Если Озёрки и правда обитаемы, то почему крайние дома стоят заброшенными — ладно, такое бывает. Люди стягиваются ближе к центру, пустые дворы бросают. Но хоть где-то должна быть тропа, следы, свежие поленья, лай собак, куры, хоть что-нибудь...»

Он уже почти решил, что забрёл не туда, когда заметил впереди узкую протоптанную полоску, уходившую от дороги к одному из домов.

«Вот оно!»

Саша оживился и ускорил шаг. Значит, всё-таки кто-то здесь бывает. Может, окраина просто заброшена, а люди живут дальше. А этот двор используют — за водой, за хламом, за чем угодно.

Он свернул с дороги, двинулся по тропе и уже на полпути начал хмуриться.

Что-то было не так.

Тропа слишком узкая.

Не человеческая.

По такой не носят вёдра, не ходят с мешком, не тащат дрова. Здесь не ступали мерно и тяжело, как ступает человек. Здесь проходили легко, часто, цепочкой. Трава примята низко, местами земля процарапана когтями.

Саша остановился.

Звериная тропа.

«Собаки? Волки?» — пронеслось в голове.

Он быстро стянул рюкзак на землю и потянулся к нему. Пальцы уже дёрнули клапан — нужно было достать патроны, пока не стало слишком поздно.

И тут из-за угла дома, метрах в пяти от него, вышел пёс.

Обычный, дворовый — но Саша сразу понял: это одна из «мразей». Бродячих собак, что сбиваются в стаи и бывают страшнее волков. Пёс не рычал, не скалился — просто смотрел и медленно приближался, будто оценивая.

Саша замер. Всё стало ясно: он не успеет. Пока расстегнёт рюкзак, пока достанет пачку, пока откроет затвор, пока зарядит — пёс окажется рядом. А если за ним идут другие...

Он дёрнулся, мгновенно сдёрнул с плеча винтовку — и тут же сжал зубы от досады: патронов в ней нет. Все в рюкзаке. Он ведь не собирался ни с кем драться, рассчитывал только на ночлег.

Пёс перед ним повёл носом и вдруг коротко гавкнул — один раз, отрывисто и настороженно.

— Чёрт... — выдохнул Саша.

Он подтянул рюкзак ближе. Винтовка в руках сейчас была не больше чем палкой. Он медленно отпустил цевьё, стараясь не делать резких движений, и другой рукой вытянул нож.

— Тихо... — негромко произнёс он. — Я друг. Тихо, пёсик... спокойно...

Пёс не двигался. Слегка приподнял морду, замер на мгновение — и гавкнул снова, уже громче и резче. Затем ещё раз, ещё более властно, будто отдавал команду. Каждый новый звук звучал увереннее, напористее, чем предыдущий.

И сразу же, будто только этого сигнала и ждали, лай вспыхнул справа — короткий, резкий, настороженный.

Потом слева — другой пёс отозвался таким же отрывистым «гав!».

Потом сзади, дальше по улице, — третий голос присоединился к общему хору.

Через секунду казалось, что лает уже вся деревня — сначала редкими голосами, потом гуще, злее, ближе. Лай катился по пустым дворам, отражался от домов, путался в кустах, и от этого становилось особенно мерзко: словно сама мёртвая деревня просыпалась и подавала голос. Псы окружали, стягивались со всех сторон, их голоса сливались в неровный, но слаженный ритм — будто кто-то дирижировал этой звериной симфонией.

Саша начал отступать.

Сначала медленно. Потом быстрее.

Пёс перед ним тоже двинулся вперёд, сокращая расстояние. Всё так же без оскала, без явного намерения броситься — но и дорогу не уступая. Просто шёл, уверенно, нервно, как сторож, который не пускает чужого.

И тут из-за зарослей сбоку вылетела вторая собака.

Эта была уже другая — темнее, крупнее, с широкой мордой и ободранном ухом. Она вырвалась рывком, низко припав к земле. Губы у неё приподнялись, обнажив жёлтые зубы. Эта не просто лаяла — она испытывала его на страх, проверяла, дрогнет ли он.

Саша всё понял сразу.

Пора.

Он резко развернулся и бросился к ближайшему двору. Через низкий забор перелетел почти не думая — лишь оттолкнулся ладонью от перекладины и тяжело рухнул по ту сторону, едва устояв на ногах. За спиной собаки взорвались яростным лаем. Но Саша знал: этого манёвра хватит ненадолго. Они найдут обход, проберутся, перемахнут следом.

Бегом он рванул к дому.

— Только бы не заперто... только бы... — шептал он про себя.

Добежал до двери — и что есть силы рванул её на себя. Дверной косяк скрипнул, петли застонали, будто вот-вот оторвутся, но дверь подалась резко, с рывком, едва не вывернувшись из креплений.

Он влетел внутрь, захлопнул её за собой, всем телом навалился, нащупал засов и с лязгом вогнал его в петли.

Несколько секунд Саша стоял, прижимая дверь плечом и тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание вырывалось рваными толчками.

За дверью лай не смолкал — он то стихал на миг, то вспыхивал с новой силой. И вот Саша почувствовал, как дверь содрогнулась: собака бросилась к ней и впилась зубами в край доски. Когти заскребли по древесине — пёс пытался поддеть угол, отогнуть его. Он дёргал

головой, напрягался, рычал — каждый рывок отдавался в плече Саши, заставлял вжаться в дверь ещё сильнее.

Но уже через несколько секунд натиск ослаб. Собака дёрнула ещё раз — вяло, без прежнего напора, — и отступила. Рычание стихло, а лай, ещё недавно яростный, стал прерывистым, неуверенным: гав... пауза... гав... гав... Будто пёс осознал бессмысленность своих усилий и потерял интерес к преграде.

Саша чуть расслабил плечи и шумно выдохнул:

— Фух...

Дверь прочная, не гнилая — такие зубы ей не страшны. Да и собаки эти не настолько умны, чтобы всерьёз ломать преграду. Погавкали, поскребли — и теперь, скорее всего, просто будут сидеть снаружи, ждать.

Он провёл рукавом по лбу, смахнул капли пота и наконец заставил себя обернуться.

В доме было пусто.

Никого.

Полумрак, тяжёлый запах сырости, старой золы и сгнившего дерева. Всё вверх дном, будто здесь когда-то спешно что-то искали — переворачивали, рылись, хватали, а потом бросили всё как есть. Один стол лежал на боку. В углу — перевёрнутая лавка. Несколько окон были разбиты; в одном не осталось ни стекла, ни рамы — только кривой проём, когда-то заткнутый ветками, которые давно высохли и рассыпались. У дальней стены пол потемнел и местами провалился: доски подгнили, кое-где уже раскрошились.

Тут уже несколько лет никто не жил.

Саша медленно выдохнул.

Плохо. Но и хорошо тоже. Живых людей нет — значит, никто не выгонит. Печь есть, крыша есть. На одну ночь сойдёт.

Он ещё раз прислушался. Собаки снаружи не унимались, но ломиться всерьёз пока не пытались. Лай то приближался, то отдалялся. Видно, кружили по двору, нервничали, не понимая, куда делся чужак.

— Ничего, — пробормотал Саша. — Ночь пройдёт — отвяжетесь...

Он скинул рюкзак на лавку, достал патроны и наконец зарядил винтовку. Не торопясь, по одному, чтобы пальцы унялись и перестали дрожать.

Потом обошёл дом. Искал всё подряд: еду, тряпки, посуду, инструменты, сухое дерево — хоть что-нибудь полезное. Но почти ничего не нашёл. Пустые полки. Рассыпавшаяся в труху корзина. Зато печь, на первый взгляд, была цела. Поленья сырые, но есть — уже неплохо.

В одной из комнат взгляд зацепился за странную деталь: стена напротив выбитого окна выглядела потрёпанной. Кирпич и штукатурка были иссечены — рублено, точно, со следами крепких ударов. На полу под стеной валялись куски извести, а в одном месте в дереве темнела рваная вмятина, будто что-то глубоко вошло в древесину.

Саша подошёл ближе, всмотрелся. Оконного проёма не было — рама отсутствовала, лишь неровные края досок обозначали её прежнее место. Приглядевшись, он заметил в траве под окном, у самой стены, очертания деревянной рамы с остатками стекла. Выбило наружу, значит.

Он перевёл взгляд обратно на стену напротив. Следы шли упорядоченно, одно к одному, словно кто-то наносил их прицельно. На разрушение от ветхости это не походило никак. И тут рядом, у самого основания стены, на пыльном полу тускло блеснула металлическая деталь. Саша наклонился, поднял находку.

Гильза. Винтовочная.

Огляделся, присмотрелся внимательнее — и почти сразу заметил вторую, чуть в стороне. Потом третью: она наполовину скрылась под слоем пыли и мелкого мусора. Чуть дальше — ещё две, едва заметные среди сора.

— Вот оно что... — тихо сказал он.

Стена, значит, побита неспроста. И окно вылетело тоже не само. Здесь шла перестрелка: кто-то сидел в доме и отстреливался, а снаружи били по тем, кто был внутри.

Саша на мгновение замер, осмысливая увиденное. Холодок пробежал по спине — теперь дом казался отмеченным давней опасностью. Но выбора не было: ночь на улице, рядом с собаками, — верная гибель.

«Ладно, — мысленно прикинул Саша, — сначала огонь, потом согреться, что-нибудь найти поесть. И сидеть тихо до утра». А уж утром можно будет понять: одни тут собаки хозяйничают или где-то поблизости затаились люди.

С печью возиться пришлось недолго. Сухих щепок оказалось больше, чем ожидалось — пол у дальней стены прогнил и местами рассыпался в труху. Пару досок он выломал без сожалений. Тяга была слабой, но живой. Когда внутри затрещало пламя, от этого звука стало легче — будто дом на миг вспомнил, что когда-то был обитаем.

Воды оставалось немного — чуть меньше половины фляги. Нужно было сходить к реке, но выходить наружу не хотелось.

Саша соорудил баррикады: придвинул стол к двери, шкаф без дверцы — к разбитому окну, а в сенях завалил проход досками. Защита получилась ненадёжной, но зато любой, кто попытается проникнуть внутрь — будь то человек или зверь — обязательно выдаст себя шумом.

Стянув промокшую одежду, он развесил куртку, рубашку и штаны поближе к печи. Сапоги, насквозь пропитанные речной водой, поставил так, чтобы они тоже попадали под тепло. От сырости и вечерней прохлады пробирала дрожь — нужно было как следует просушить всё, пока есть возможность.

Опустившись на корточки перед огнём, Саша протянул озябшие руки к пляшущим языкам пламени. Тепло постепенно разливалось по телу, прогоняя остатки озноба после переправы через реку.

Голод давал о себе знать всё настойчивее — желудок то и дело сводило болезненной пустотой. Саша вздохнул и пробормотал в пустоту:

— Ладно. Придётся.

Он достал одну из консервных банок из захаровского тайника — тяжёлую, старую, с давно стёртой этикеткой.

Когда крышка наконец поддалась, Саша даже невольно усмехнулся. Думал о тушёнке. Или хотя бы о каше с мясом. О чём-то человеческом.

Он поднёс банку ближе к огню, заглянул внутрь — и усмешка исчезла.

Там не было мяса. Вообще.

Под тонкой плёнкой застывшей жижи белел плотный желтоватый ком. Жир. Просто жир, набитый в банку почти под завязку.

Саша помолчал, глядя на неё. Потом коротко хмыкнул без всякой радости.

— Вот почему вы столько лет лежите, — сказал он.

Саша ещё раз взглянул на банку с жиром и пожал плечами. Выбор был невелик, а голод не тётка — придётся довольствоваться тем, что есть.

Он аккуратно перелил половину содержимого в котелок и поставил его поближе к огню. Когда белёсая масса начала плавиться и тихо побулькивать, по комнате разнёсся тяжёлый, непривычный, но вполне съедобный запах. Жирный, сытный аромат заставил желудок заурчать ещё сильнее.

Оставшиеся сухари Саша разложил на тряпице и разделил на две неравные кучки — на вечер и на завтрашний день.

Первый сухарь он осторожно окунул в горячий жир, подождал, пока тот немного пропитается, и откусил кусочек. Вкус оказался даже лучше, чем он ожидал.

Горячая, солоноватая, жирная пища — простая, почти грубая, но после тяжёлого дня казалась настоящим лакомством. Саша ел неторопливо, смакуя каждый кусочек. К концу еды он поймал себя на мысли, что чувствует почти удовлетворение: до пиршества далеко, но и голод отступил.

После еды он ещё немного посидел у печи, согревая ладони. Тепло наконец-то проникло до самых костей. Мокрая одежда тихонько испускала пар, дом поскрипывал, в печи уютно потрескивал огонь. Снаружи изредка раздавался собачий лай — уже далёкий, вялый, без прежней агрессии. Похоже, собаки либо уgomонились, либо потеряли к нему интерес.

Завтра всё равно придётся двигаться дальше, вглубь деревни. Эта окраина, похоже, давно заброшена, но он помнил: Озёрки простирались дальше, там была и другая часть, побольше. Может, там ещё остались люди. Хотя после сегодняшнего дня от этой мысли легче не становилось. Если даже здесь бродят такие твари, что же творится дальше? У них в деревне таких сразу уничтожали, не раздумывая. А если люди там всё-таки есть, то как ему поступить? Остаться? Притвориться обычным путником?

Ответ он знал давно. Наверное, ещё с того дня, когда нашёл дедову карту с намеченным маршрутом. Где-то в глубине души он уже всё решил, просто раньше не хотел признаваться в этом даже себе. Он пойдёт на юг. Может, попробует найти детей Захара, если они ещё живы. Даже их имён он не знал, держался лишь за смутную надежду, что где-то могут быть люди, которых хотя бы формально можно назвать родными. В родной деревне он стал чужим. Там он теперь изгой. Возвращаться некуда. Оставаться негде. А юг... юг хотя бы давал направление. Шанс. Возможно, последний. Может, там он хотя бы увидит море.

Саша зевнул, протёр глаза и ощутил, как усталость накатывает тяжёлыми волнами.

Развернув спальник, он устроился на печке. Место было не самым удобным — тесно, жёстко, воняло старой сажей, — но после целого дня пути и холода такие мелочи уже не имели значения. Главное — сухо. Главное — тепло. Главное — крыша над головой.

Винтовку он положил рядом, под руку. Нож тоже оставил под боком.

Некоторое время он лежал, глядя в закопчённый потолок. Мысли крутились, цепляясь одна за другую: пустые дома, гильзы у окна, собаки, дедова карта, дорога на юг. Но усталость взяла верх. Тяжёлая, плотная, она навалилась разом, не оставив места ни тревогам, ни мыслям.

Саша уснул почти мгновенно.

Глава 4

Саша проснулся рывком, словно кто-то грубо встряхнул его за плечо.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, пытаясь понять, где находится. Над головой нависал закопченный потолок, рядом уютно потрескивала печь, а в воздухе витал густой запах старой сажи, прогорклого жира из вчерашней банки и сырости от прогнивших досок. Память постепенно возвращалась: Озёрки, заброшенный дом, свора собак, ночь, проведенная на печи.

Саша приподнялся на локте и прислушался.

Где-то вдалеке раздавались неясные звуки. Сквозь выбитое окно в комнату уже лился яркий дневной свет. Воздух в доме успел прогреться, а на печи и вовсе стало жарко.

Он спустил ноги на пол и сел. Тело ломило после дороги и сна на кирпичках. Руку под повязкой тянуло, но терпимо. Он осторожно размял плечи, взглянул на лежавшую рядом винтовку и только после этого встал.

За ночь в доме ничего не изменилось. Баррикада у двери стояла на месте. Огонь в печи давно погас. На полу — всё тот же мусор, гильзы, пыль, серые полосы света. С улицы снова донёсся отдалённый звук, и Саша поморщился.

Сидеть здесь до вечера было глупо. Воды почти не осталось. Да и вечно торчать в одной избе он не мог — нужно было выяснить, есть ли в Озёрках кто-нибудь живой или вся деревня и правда досталась одним только псам.

Осторожно выглянув в щель между досками, он осмотрел двор. Пусто. Лишь у забора мелькнул рыжий силуэт — одна из вчерашних собак. Покрутившись на месте и понюхав землю, она скрылась за углом.

— Что ж, — тихо пробормотал Саша, — пора осмотреться.

Первым делом он занялся самым важным — подготовкой к возможной встрече с собаками.

У стены нашлась дверца от старого шкафа — узкая, но прочная, из толстых, еще не сгнивших досок. Подняв ее, Саша прикинул вес — тяжеловата, но зубами не возьмешь. Из локутов ткани он быстро соорудил петли, продел их в старые отверстия от навесов и проверил, как держится щит. Грубовато, но надежно.

В соседней комнате, где пол местами провалился, торчала длинная рейка — то ли от пола, то ли от старой перегородки. Упираясь сапогом, Саша с треском выдернул ее. Обломал один конец, чтобы было покороче, проверил баланс — в руке лежала удобно. Достал из ножен нож, приложил к концу палки и туго обмотал полосками той же ткани. Получилось неказисто, но острое держалось крепко — для собаки с близкого расстояния сойдет.

Отойдя на шаг, он оглядел себя: винтовка за спиной, в левой руке деревянный щит, в правой — самодельная палка с ножом. Вид, конечно, нелепый. Но в таких местах лучше выглядеть смешным, чем лишиться ноги.

Из дома он выходил осторожно. Сначала снял засов, чуть приоткрыл дверь и замер, прислушиваясь. Двор заливал солнечный свет. День выдался теплым. После промозглого леса и холодной ночевки такая погода казалась подарком судьбы.

Быстро оглядевшись с крыльца, он направился к сараю с почти целой крышей. Забираться со щитом и палкой было неудобно, но Саша все же вскарабкался сначала на навес, а потом на крышу. Доски скрипели под ногами, сухая пыль сыпалась вниз. Добравшись до конька, он присел и достал тепловизор.

Прибор включился лишь на мгновение — Саша старался экономить заряд батареи. Экран на миг ожил, показав серую, безжизненную картинку с домами, дворами и заборами.

Медленно водя тепловизором по сторонам, Саша первым делом осмотрел окрестности своего дома — искал собак. Прибор показал два тёплых пятна возле того самого дома, куда

он вчера пытался проникнуть: там, где он встретил рыжую собаку. Ещё одно слабое тепловое пятно виднелось чуть дальше, у заброшенного сарая. Всего три — меньше, чем он ожидал, судя по вчерашнему лаю, в котором было не меньше пяти голосов. «Нужно быть осторожнее», — подумал он.

Затем он направил прибор дальше, туда, где за пустыми дворами начиналась другая часть Озёрков. Ни души. Ни намёка на жизнь. Только в одном месте, через несколько домов отсюда, под самой крышей уцелевшего дома, теплилось тусклое пятно — размытое, едва заметное.

Саша задержал на нем взгляд еще на пару секунд, пытаясь понять, человек это или просто игра света. Дом стоял в тени, боком к солнцу. Темная крыша вполне могла нагреться от полуденного зноя. Особенно под самой кровлей, где всегда скапливается тепло и воздух становится душным.

Больше он ничего не заметил. Тусклое пятно под крышей могло быть чем угодно, и Саша, не тратя заряд, выключил тепловизор и убрал его в чехол.

Спускаясь, он шел быстрее. Вышел во двор, где царила тишина, нарушаемая лишь щебетанием редких птиц. Солнце припекало все сильнее.

Саша выставил перед собой щит и настороженно вышел на улицу. Впереди простирались пустынные дворы и улицы, и он шёл неторопливо, внимательно осматривая каждый уголок. Каждый шорох заставлял его напрягаться, но бежать или торопиться означало потерять бдительность.

Его путь лежал через заброшенную деревню, где за каждым домом могла скрываться неожиданность, а за каждой тенью — опасность.

Пройдя несколько дворов, он заметил, что за ним никто не следует. Лишь изредка доносился приглушенный лай — похоже, собаки учуяли его присутствие, но не спешили показываться и преследовать незваного гостя.

— Сидите там, — бросил Саша через плечо.

Когда между ним и ночлегом выросла цепочка из десятка домов, звуки окончательно стихли. Саша шел дальше, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась почти привычной.

Эта часть Озёрков выглядела ещё более заброшенной. Дома стояли теснее, но на каждом виднелись следы времени или человеческой руки: сорванные двери, провалившиеся крыши, окна без стёкол. Дорога заросла травой, местами прямо между колеями пробивался кустарник. Слева тянулась вереница домов, их было не меньше двух десятков. Справа узкий проезд вёл на другую улицу.

Саша обошёл два соседних двора — везде пусто и разруха. В одном доме всё было убрано до блеска, словно хозяева собирались в долгий путь. В другом царил полный разгром, как и в том, где он ночевал. Никаких признаков жизни: ни дыма, ни запахов готовящейся еды.

Он свернул в очередной двор. Место выглядело как и все остальные: покосившийся забор, калитка на одной петле, бурьян у крыльца. У стены валялся ржавый металлолом: куски печи, обломки труб, старый велосипедный обод. Саша остановился у калитки, быстро осмотрел окна, крыльцо, двор — ничего подозрительного.

Едва войдя, он тут же зацепился за леску.

Тонкая нить, почти незаметная на выгоревшем фоне, была натянута у самой земли. Леска натянулась, щелкнул механизм, и с навеса сорвался тяжелый гаечный ключ. Прочертив в воздухе дугу, он с грохотом упал на груды железа у стены.

Звук заставил его вздрогнуть, хотя разум уже все понял.

Ловушка.

Мгновенно сбросив рюкзак, он швырнул его в стену, отпрыгнул в сторону, уходя с открытого пространства, и вскинул винтовку. Щит глухо стукнул о бревно. Сердце забилося часто и тревожно.

— Здравствуйте! — крикнул Саша, не сводя глаз с окон. — Я с миром! Есть тут кто живой?

Тишина.

Он замер, вглядываясь в окна, дверь, тёмную щель под навесом. Один человек мог прятаться где угодно, но двое — это уже серьёзная угроза.

Почудилось, будто внутри что-то едва слышно скрипнуло.

Саша крепче прижал приклад к плечу.

— Эй! — произнёс он тише, но твёрже. — Я один, не собираюсь лезть внутрь. Просто спрашиваю: есть кто-нибудь?

Молчание.

Тогда, не опуская винтовки, он начал двигаться вдоль стены к крыльцу. Медленно, шаг за шагом. Под ногами хрустел мусор. Над головой навис покосившийся козырек. Слева — темный дверной проем, справа — разбитое окно, за которым чернела пустота.

— Есть кто-нибудь? — повторил он, косясь на дверь. — Может, загляну?..

И тут краем глаза он уловил какое-то движение.

Не у входа.

Выше.

Из темноты над дверью, там, где чернел узкий проход на чердак, вдруг появилась рука с револьвером.

Грохот выстрела оглушил его.

Пуля впиалась в косяк в считанных сантиметрах от лица. Щепки оцарапали Саше щеку. Каким-то чудом он успел вжаться в стену под навесом, почти под тем самым чердачным лазом.

— Эй, не стреляй! — взревел он, ошеломленный. — Ты что, с ума сошел?! Я же с миром пришел!

Сверху не ответили.

Саша тяжело дышал. В ушах звенело после выстрела, щека горела от заноз. Он быстро оценил ситуацию. Пока стоишь, прижавшись к стене под навесом крыши, стрелок тебя не достанет. Но стоит выйти на открытое место — и ты как на ладони. Уйти можно было только вдоль глухой стены, где на чердаке не было окон. Однако стрелок наверху мог либо спуститься, либо переместиться на первый этаж.

— Послушай! — крикнул Саша уже тише, но с большей злостью. — Я же сказал — с миром! Зачем сразу стрелять?

Наконец сверху раздался голос:

— Ещё шаг — и я вас всех перебью!

На последнем слове голос сорвался. Совсем юный.

Саша моргнул.

— Каких всех? — спросил он. — Я один.

Повисла пауза.

Затем тот же голос, стараясь говорить грубее:

— Один, не один... Мне всё равно. Подойдешь — брошу гранату.

Саша невольно поднял глаза, хотя ничего не видел. Граната. Вот это поворот.

— Ага, — произнес он. — И сам взлетишь вместе с домом.

Наверху молчали.

Саша вслушивался. Ни лязга металла, ни шороха. Только напряженная, хрупкая тишина.

Саша медленно выдохнул и заговорил уже спокойнее, без злобы:

— Послушай. Я не знаю, кто ты и чего ты испугался. Но я один. И я к тебе не лезу. Я просто спросил, есть тут кто живой или нет.

Сверху помолчали, потом все так же напряженно ответили:

— Не подходи.

— Да не подхожу я, — сказал Саша. — Стою у стены. Видишь? Если бы я хотел что-то сделать, то не орал бы с улицы, как дурак: «Здравствуйте, я с миром».

Наверху снова стало тихо.

— Я зайду? — уже тише спросил Саша. — Просто поговорим. Без стрельбы.

— Нет.

Он сказал это быстро, почти срываясь.

— Ладно. Не буду заходить, — сразу согласился Саша. — Тогда давай так. Мне не нужно к тебе лезть. Я просто хочу понять, один ты здесь или нет.

В темноте чердака что-то едва слышно скрипнуло.

— А тебе зачем?

— Потому что я шел сюда ночевать, — сказал Саша. — Я думал, тут люди есть. А внутри как будто все вымерло. Теперь вижу, что не все.

Сверху снова помолчали.

— Отойди от двери, — сказал голос. — И рюкзак не трогай.

— Хорошо. Не трогаю.

Саша чуть поудобнее прижался к стене, не убирая винтовку, но и не поднимая её выше.

— Ты тоже больше не стреляй, — сказал он. — А то я чуть не охренел сейчас.

Это вырвалось у него само, без злости, почти по-человечески. И, кажется, именно это сработало лучше всего.

Потому что сверху вдруг прозвучало уже не грозно, а зло и неловко:

— А нечего было лезть.

И вот тогда Саша окончательно понял: на чердаке — не матёрый стрелок и не засада. Просто перепуганный пацан, который изо всех сил пытается казаться опасным.

— Я не лез, — устало сказал Саша. — Я в твою ловушку угодил. Ты сам меня сюда заманил.

Наверху неожиданно стало тихо.

— Давай так, — продолжил Саша. — Я стою здесь. Ты сидишь там. Никто никуда не лезет. Просто поговорим. Как люди. Нормально?

После долгой паузы сверху спросили:

— Ты один?

— Один.

Саша передвинулся, чтобы удобнее было упираться в стену. Винтовку держал наготове, но не поднимал. Сейчас главное — не спугнуть.

— Уходи, — пробурчал голос сверху. Теперь в нём слышалось скорее упрямство, чем угроза. — Просто убирайся отсюда.

— И куда мне идти? Обратно к собакам? — спросил Саша.

— Куда хочешь.

— Я бы ушел, — признался Саша. — Только ты в меня только что выстрелил. Теперь хочешь не хочешь, а поговорить придется.

Сверху снова что-то скрипнуло.

— Я же предупреждал.

— Предупреждал? — Саша хмыкнул. — Я тебе с улицы кричал, что пришел с миром. Я в твою ловушку угодил, а ты в ответ сразу выстрелил. Где ты тут предупреждал?

Ответа не последовало.

Саша слегка повернул голову, прижался затылком к бревну и на мгновение закрыл глаза. Нужно было перевести разговор в человеческое русло. Стрелять в подростка он не собирался. А тот, судя по голосу, скорее боялся, чем злился.

— Слушай внимательно, — наконец произнес Саша. — Я один. Меня зовут Саша. Я из соседнего поселка. Ночевал там, на окраине, в пустом доме. Ищу людей. Всё. Больше ничего.

Сверху долго молчали. Так долго, что Саша уже подумал, не сбежал ли парень. Наконец раздался тихий голос, почти прошепавший:

— Докажи.

— Как?

— Брось винтовку.

— А ты брось револьвер, — тут же ответил Саша.

Наверху воцарилась гробовая тишина.

Такая бывает, когда человек вдруг осознает, что его слабое место раскрыто, и не знает, что сказать дальше.

Саша прищурился.

— Вот именно, — уже мягче произнес он. — Давай без глупостей. Я тебе не враг.

Сверху раздался тяжелый прерывистый вздох.

— Не подходи к двери, — сказал голос после паузы. — И дальше во двор не лезь.

— Хорошо.

— И рюкзак не трогай.

— Тоже хорошо.

Снова скрип. Шорох. Будто кто-то наверху осторожно перемещался, стараясь не высовываться лишний раз.

Затем дрожащий голос спросил:

— Ты правда один?

Саша поднял взгляд к тёмной щели чердака.

— Один.

После паузы раздался уже совсем другой голос — усталый, почти мальчишеский:

— Тогда стой и не двигайся... Я думаю.

Саша едва заметно улыбнулся уголком рта.

— Думай, — сказал он. — Это правильно.

Сверху фыркнули — зло, но уже не так, как раньше.

А значит, шанс на разговор всё-таки оставался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.